

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

44

МЮНХЕН 1987

СОДЕРЖАНИЕ

Протоиерей Д. Константинов. Слово о Пасхе	1
В. Пирожкова. Смерть Анатолия Марченко и горбачевский политтеатр	2
Светлой памяти В. С. Кобылина	4
В. Кобылин. Застывшая неправда	5
С. Тиктин. Еще раз о чернобыльской катастрофе	8
Е. Кармазин. Оппозиционные заметки	14
М. Михайлов. Мысль на замке	18
В. Пирожкова. Истина и пропаганда	20
Д. Штурман. Один день у телеэкрана	24
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	34
В. Рудинский. Л. Н. Толстой и его близкие	44
Сообщение комитета по спасению советских пленных в Афганистане	45
КО ВСЕМ ЛЮДЯМ	46

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 44

Март 1987

МЮНХЕН

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

*Поздравляем наших читателей с Светлым праздником
Воскресения Христова.*

Редакция

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

СЛОВО О ПАСХЕ

В одном из Пасхальных Посланий митрополита Феодосия имеются следующие весьма поучительные строки.

“Из глубины этого столетия, наиболее трагического и исполненного страданий столетия во всей истории человечества, столетия, плавающего в крови несчетных миллионов людей, — поднимаются стенания заключенных, подвергаемых пытке, голодающих, бездомных, детей, одиноких и впавших в отчаяние. Из тех же глубин звучит победный глас апостолов, мучеников и всей в веках страдающей и прославленной Церкви...”

Церкви, в течение двух тысяч лет прославляющей Воскресшего Христа.

В этой антиномии преображения и страданий, горя и радости, победы и поражения современная богоборческая мысль находила неисчислимый арсенал доказательств для своей “несомненной” правоты. Современные атеисты настойчиво обращали внимание на “несовместимость” победной пасхальной радости и благости с теми явлениями в мире, о которых говорит митрополит Феодосий. Так ли это? Нет ли в постановке данного вопроса чего-то недоговоренного и недосказанного? Правы ли богоборцы, с презрением отворачивающиеся от “мифа” о Воскресшем, не давшем человечеству избавления от страданий?

Вопросы не новые, но именно те, о которых надо говорить в наиболее доступной и понятной форме для всех, кто задумывается над подобного рода проблемами. И подобно тому, как в продолжение всех столетий христианской эры продолжали звучать голоса борющихся со Христом, подобно этому из глубины прошедших веков звучат голоса отцов Церкви, подвижников, мучеников, предупреждающих нас о великом соблазне судить о духовных процессах, протекающих в мире,

по внешним явлениям, среди которых немалое место занимают и человеческие страдания. Больше того. Двадцать столетий, минувших после событий, происшедших в Иерусалиме и связанных со страданиями, смертью и Воскресением Спасителя, многообразный опыт Церкви воинствующей по-иному ставят вопрос о страданиях и радости пасхальной. Церковь сострадает человеческому страданию и делает все от нее зависящее, чтобы уменьшить его. Поэтому правомерен акцент на страданиях в Послании митрополита. Помощь страдающим, гонимым, заключенным, голодающим, пытаемым, впавшим в отчаяние — неизменная задача Церкви Христовой, последовательно осуществляемая ею в прошедших веках и в нашей современности.

Но Церковь знает и иное. Счастливое благополучие в нашей земной, достаточно неустойчивой жизни совсем не означает благополучия духовного. Это земное благополучие часто внутренне тяжелеет человека, делает его невосприимчивым к духовным ценностям; такие люди в дни Св. Пасхи больше тянутся к пасхальному столу, чем к церковному амвону. Из глубины веков до нас доходят предупреждения подвижников, говорящих о том, что земное безмятежное благополучие иногда означает печать богооставленности. Да и без того мы отлично знаем, что бронированное, неподвижное сейфовое благополучие едва ли приносит нам счастливую и осмысленную жизнь.

Что же этому может быть противопоставлено? Апофеоз страданий? Нет, конечно, но совсем иное отношение к ним. По мнению отцов Церкви, оставивших нам свой многообразный опыт духовного восхождения, страдания часто означают милость Божию, посылаемую тем, кого Бог приближает к Себе. Эти страдания посылаются в меру возможнос-

тей человека перенести их, и Богом же посылаются в этих случаях современные Симоны Киринейянины, помогающие нести спасительный Крест Христов. И не потому ли вера в Бога начала возрождаться в Советском Союзе, не потому ли примеры подвижничества и образцы мученичества в наши дни столь часто исходят именно оттуда? Страдания, посланные нам Богом, как показал многовековой опыт духовной жизни, приближают нас к Спасителю, духовно возрождают, помогают подняться над плачевной земной юдолью. Это непреложный факт; он так же верен, как верно и то, что радость Пасхи неотделима от радости страданий и подвижничества во имя Его. Крест и Воскресение неотделимы друг от друга, они являются слитной антитезой.

Так что же, спросят нас, все страдания в мире посылаются людям для их духовного возрождения? Не совсем так. Образованнейший человек своей эпохи — апостол Павел, равно как и более поздние отцы Церкви всегда учили различать явления, происходящие по воле Промысла, от явлений, происходящих в мире от злых, темных сил. Эти последние в наши дни буквально наполнили нашу планету. Дьявольские силы бушуют в мире, принимая всевозможные обличья, начиная с "благородной" деятельности "национально-освободительных сил", прикрывающих злобный облик международного терроризма, и кончая высокопоставленными духовными лицами, говорящими с международных трибун о "священном даре жизни" в контексте советской резни в Афганистане, Камбодже, Сомали, Эфиопии, Анголе и в других странах и призывающих к фальшивому ядерному мораторию.

В. ПИРОЖКОВА

СМЕРТЬ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО И ГОРЬ АЧЕВСКИЙ ПОЛИТТЕАТР

Когда пришло сообщение о кончине Анатолия Марченко в лагере, 8 декабря 1986г., по всей эмигрантской прессе пронесся крик. Символ протеста против всех гонений на свободу мысли, свободу слова, свободу передвижения перестал существовать. Мы помним очень хорошо хрущевскую эйфорию. Оттепель, весна, распущены лагеря, конец сталинщине, — и нужно сказать, что тогда еще были какие-то основания для надежд. Все же Хрущев ликвидировал много лагерей, выпустил очень много заключенных. Но всех лагерей он не ликвидировал, всех заключенных не выпустил, а тут начали появляться новые... По этой эйфории ударила книга Марченко "Мои показания". С содержанием читали мы все о тех же мучениях, о тех же страшных карцерах и лагерях строгого режима.

Мир полон противоречий, кажущихся нам несовместимыми. Но в этом клубке противоречий видна путеводная нить, выводящая человеческую жизнь на путь, идущий в мир иных ценностей и измерений. Это путь духовной переоценки своей жизни, путь приближения к ее приоритету, путь Креста и Воскресения, являющегося антитезой той дьявольской свистопляске, которая сейчас царит в мире.

"Воскресения день, просветимся, людие", — зовет Церковь в эти дни. Просветимся хотя бы в том смысле, чтобы понять сложность той мировой борьбы со злом, слабым отражением которой является все то, чему мы являемся свидетелями. Эта борьба по существу глубоко мистична, и символом ее победы для нас является. Воскресение Христово — залог победы добра над злом. Залог вечности, неопровержимое для христиан доказательство будущей жизни в ином мире. Для неверующих в Христа это не является доказательством. Но пусть посмотрят они на историю христианской Церкви с ее первых дней и до нашего времени. В этой истории, несмотря на все погрешности и промахи, совершенные по человеческой немощи и несовершенству, таится непреодолимая сила, которую не смогли победить все боровшиеся с ней по самым различным причинам. Обетование Христово о том, что врата ада не одолеют Его Церкви, исполняется во всех прошедших веках. Исполняется оно и теперь, когда верующие в Спасителя собираются на молитву в этот торжественный и всерадостный день и в ответ на свое жизнеутверждающее "Христос Воскресе!" слышат громогласный ответ мира иного — "Воистину Воскресе!".

С ужасом узнали мы о перемене психологии врачей. Даже в самое страшное сталинское время врачи прежнего воспитания еще старались помогать заключенным или хотя не утяжелять их участь. Но вот появилось новое поколение врачей — и, увы, нередко женщин, — издевавшихся еще дополнительно над заключенными. Это поколение врачей и медсестер полностью развернулось в психушках.

А Анатолий Марченко, положивший начало развеиванию хрущевских иллюзий, стоял непоколебимо как знак, как напоминание о том, о чем нельзя было забывать, о том, что наша несчастная страна все так же стонет под тоталитарным режимом, что та или иная косметика не меняет основного положения.

Марченко предлагали спасти свою жизнь выездом в Израиль. Но он отказался, сказав,

что он русский и хочет изменений у себя на родине. В самом деле, отчего нужно покидать свою страну и искать приюта в другой, будь то Израиль, США или страны Западной Европы, чтобы спасти свою жизнь человеку, не совершившему никакого преступления? Что это за страна? Анатолий Марченко предпочел остаться и свидетельствовать своей жизнью и своей смертью о неблагополучии в этой стране.

Но, может быть, он как раз вовремя умер? Разве не перенял его роли (исключая страдания и смерть) сам глава страны, новый генсек, сияющий герой, новый Зигфрид, Михаил Горбачев, бросивший лозунг о неблагополучии в этой стране?

Когда пришло известие о смерти Марченко, Сахаровы из Горького послали вдове Марченко Ларисе Богораз телеграмму, где писали, что им стыдно за их надежды.

Но прошло лишь немного больше двух месяцев — и какая перемена декораций! Сахаровы не только в Москве, академик А. Сахаров выступает на "форуме мира" Горбачева. Правда, советская пресса сообщает только о критике Сахаровым плана космической защиты США SDJ (СОИ) и ни слова не пишет о его выступлениях относительно прав человека, но Сахаров выступает: То же самое было, между прочим, с разными интервью А. Сахарова после его возвращения в Москву: все его требования печатались только в иностранной прессе, советская ограничилась кратким сообщением о его возвращении в Москву. Его интервью "Литературной газете" так и осталось ненапечатанным. Как же это так? Или что-то не в порядке с горбачевской гласностью? Или это саботаж на местах? Не саботирует ли редакция "Литературной газеты"? Или редакции "Правды" и "Известий"? И... не лучше ли было бы промолчать, пока идет этот "саботаж" главных редакций? Или в эпоху гласности молчать не разрешается? Надо говорить, не задавая себе вопроса, что сделают с твоими словами и для чего их употребят?

Горбачев позвал на "форум мира" представителей разных стран, и они поехали: "капитаны индустрии", надеясь на жирный гешефт, писатели, артисты на ...**закрытый** форум, о котором советская пресса сообщает только то, что ей разрешает "гласность". "С нами дискутировали (за закрытыми дверями)", — радуются некоторые известные писатели, например, швейцарский писатель Макс Фриш, написавший в свое время прекрасную сатиру "Обыватель и поджигатели" и давно уже ведущий себя в точности так, как вел себя обыватель в его же сатире. Петр Устинов, опрошенный журналистами, нашел ли он в СССР гласность, пожевал толстыми губами и заявил: "На Западе тоже есть дефицит глас-

ности". Вывернулся! А Грегори Пек в восторге воскликнул: "Далеко коллеге Рэйгону до этого!" Грегори Пек, известный киноартист, имел в виду не Рэйгена-политика, президента, он имел в виду своего бывшего коллегу, Рэйгена-артиста. И тут Грегори Пек прав. Мы не знаем, брал ли Горбачев уроки артистического искусства, как это делал когда-то Гитлер, но артист он совершенно замечательный. Он заслужил много "оскаров".

Генсек выступил с большой речью, где были повторены все общие места о мире и о разоружении*. Каких только обещаний ни надавал красноречивый генсек: тут и отказ от статуса ядерной державы, и отвод войск из Афганистана (если борцы за свободу съедут за один стол с коммунистами), и отвод войск из других стран, и ликвидация опорных пунктов, но... сначала пусть США сделают небольшую уступку, совсем маленький шаг навстречу: откажутся от SDJ (СОИ)! Где мы находимся? В Москве или в Рейкьявике? И какой год мы пишем? В прошлом году президент Рэйген отказался сделать эту уступку в кредит, в этом году его должно заставить мощное "движение мира", уже не социалистический, а "капиталистический интернационал", как пишут насмешливо некоторые немецкие газеты. Кулисы совсем другие, слова — красноречивей не найдешь, — а цель все та же, хорошо нам знакомая. Когда-то давлением шумной "общественности" выиграли войну во Вьетнаме; не удастся ли теперь при помощи той же, всегда готовой к нажиму на свои правительства, известной части крикливой общественности достигнуть своей цели в отношении SDJ (СОИ). Ведь как же не помочь красноречивому генсеку? А если он не сможет показать успехов, не осияет ли его "вечно вчерашние", номенклатура, "саботажники", не заключат ли "ястреба", ах, такого прекрасного "голубя" Горбачева? Разве мы не слышали уже давно, что в Кремле существуют "ястреба" и "голуби"? Только вот странно, по какой-то еще неисследованной биологической мутации голуби, достигнув своих целей, сами сразу превращаются в ястребов.

Но ловкому генсеку удалось запорошить глаза и части эмиграции. Есть "голоса из хора", говорящие: помогите Горбачеву! Он хочет радикальных, кардинальных перемен, а злая номенклатура сопротивляется. Он хочет ликвидировать социализм, распустить компартию, объявить марксизм-ленинизм лжеидеологией, ввести свободные выборы в Верховный совет, разрешить частную инициативу в промышленности, распустить колхозы и уж, конечно, ликвидировать все концлагеря,

*Новый советский анекдот: Как расшифровывается слово "мир"? — Михаил и Раиса.

печатать всех до сих пор запрещенных писателей, не только мертвых, но и еще пока живых и признать Церковь высшим моральным авторитетом для себя и для всего государства, да вот только номенклатура... Эмиграция, в бой за нового генсека и против номенклатуры! Есть такие голоса, надеемся, что число их не увеличится.

Но... постоит — что же на самом деле намерен сделать кремлевский соловей? И что он сделал до сих пор? Выпустил ряд диссидентов — это пока самое положительное его действие, т.к. мы рады за каждого, кто мог выйти из ада тюрем и концлагерей. Но Хрущев в свое время выпустил на свободу несравненно большее число заключенных. А где о.Глеб Якунин, Леонид Бородин, Александр Огородников, только что осужденный на 12 лет заключения протоиерей Русак? Четыре имени, символизирующие многие тысячи в лагерях и психушках!

Под знаком гласности все советские газеты гласят о "перестройке", расхваливают ее и набрасываются на тех, кто еще не приспособился, — вспомним стишок о Евгении Евтушенко из 60-х гг., кстати, тоже фигурировавшем на "форуме мира":

"И лезут в соколы ужи,

Сменив под знаком современности

Приспособленчество ко лжи

Приспособленчеством ко смелости".

Приспособленчество к гласности еще не закончено, но оно идет полным ходом. Где та советская газета, которая ругнула бы как следует и гласность, и перестройку — или та, которая задала бы коварный вопрос: в чем же **конкретно** должна заключаться перестройка? Дайте нам такие советские газеты и даже мы признаемся: а не пытаясь ли в самом деле гласность сделать в СССР первые робкие шажки?

Пока создается впечатление, что Горбачев хочет возродить уснувшее рвение членов партии и функционеров. Их подстегивают критикой в прессе и намерением сделать партийные посты на низшем уровне выборными: функционеры должны стараться, а то выберут других, и негодившие лишатся частью или полностью своих привилегий. Это попытка возродить, — но только на низшем уровне, — так называемый демократический

централизм, конечно, только **внутри** партии, это всегда было лишь доктриной партии. Вздыбленная партия должна, в свою очередь, подгонять трудящихся. Мы помним старания Маленкова возродить партийный энтузиазм после смерти Сталина. Тогда это была безнадежная попытка. Теперь Горбачев применяет несколько более сильные средства, но можно ли и более сильным электрическим зарядом надолго гальванизировать труп?

Наряду с этим, даются минимальные поощрения кооперативной предпринимательности в области услуг. Так, разрешено открывать рестораны и кафе на кооперативных началах.

Таковы те минимальные средства, которыми Горбачев уже добился такого феноменального пропагандного успеха. Поистине, "коллег Рэйгену" далеко до него.

Ах, извиняемся, мы было забыли, что наш "лучезарный витязь" смело вступил в бой с зеленым змием, даже на... дипломатическом паркете! Советские представители заявили протест западным странам по поводу того, что в их магазинах продается... "Горбачевская водка"! Название это старое и к новому генсеку никакого отношения не имеет, но бывают же такие фатальные совпадения! Запретить "Горбачевскую водку" за Западе! Может, тогда на родине будут меньше пить?

Кулисы меняются сейчас очень быстро. Кто знает, какой фейерверк будет еще выпущен в воздух великим магом в Кремле к тому времени, когда эта статья появится в печати? Нас это не удивит. Но вот встанет ли среди сверкающих огней пропагандного блеска трагическая фигура нового Марченко, который громко, на весь мир, сумеет закричать о своих новых показаниях? И если появится, будет ли услышан, как все же был услышан в конце 60-х гг. Анатолий Марченко? Или сгинет безвестно и скоро, скорее даже, чем не доживший до 50 лет Марченко, под звук фанфар и блеск разноцветных прожекторов нового великого виртуоза?

P.S. Мы как раз услышали, что неизвестный палач в белом халате Чезов стал министром здравоохранения. Какая "перестройка"!

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ В. С. КОБЫЛИНА

Дружный и спаянный круг сотрудников "Голоса Зарубежья" понес невозможную потерю: 30 декабря 1986 года в городе Санта-Барбара, Калифорния, скоропостижно скончался Виктор Сергеевич Кобылин.

Покойный родился 7 июля 1908 г. в Москве.

Я познакомился с Виктором Сергеевичем

в 1947 году, в то время, когда мы были членами Регенсбургского отделения Национально-Трудового Союза. Впечатление от первой же встречи с ним остался незабываемым. Передо мной был настоящий русский патриот, непримиримый враг коммунизма, прямолинейный человек, редкий в наше время настоящий джентльмен. Наши отношения бы-

ли неизменно дружескими. И как недавно, 2 октября прошлого года, В.С. писал мне: "Общение с Вами доставляло мне всегда удовольствие, и я вспоминаю наши встречи всегда с удовольствием". То же самое могу сказать и я.

С течением времени мы потеряли из вида друг друга. И оба мы ушли из НТС, когда "генеральная линия" его руководства не совпала с нашими убеждениями.

Виктор Сергеевич никогда не скрывал своих политических взглядов и открыто их исповедовал. Как он писал мне всего за десять дней до своей внезапной кончины: "Я по убеждениям ярый монархист". Об этом свидетельствует и написанная им книга "Император Николай II и генерал-адъютант М.В.Алексеев". Книга была выпущена Все-славянским издательством С.В.Завалишина в 1970 году в Нью-Йорке. Это — солидный, подкрепленный огромной библиографией, исторический труд на тему нашей российской трагедии. В ней читатель может найти множество интересных сведений и справок о том, как развивалась наша роковая российская революция, приведшая к торжеству коммунизма и трагической гибели Царской семьи.

В последние годы В.С. был постоянным сотрудником "Голоса Зарубежья". Читатели могут с благодарностью вспоминать и перечитывать его умные, обстоятельные статьи, такие, как "Христианство и гуманизм", "Бесы", "Наш антикоммунизм" и другие. Статью "Наш антикоммунизм" Виктор Сергеевич закончил словами: "Антикоммунизм — это наше самое заветное слово, и мы никак не разделяем западных иллюзий в отношении марксизма, отвергаем любые послабления в четком установлении личного поведения, не смотря ни на какие "новые влияния".

Этому завету В.С. остался верным до конца своих дней. Последние годы его жизни были омрачены неизлечимой болезнью почек. Но он стойко превозмогал хронические недомогания и не откладывал своего пера —

острого оружия в борьбе против коммунизма.

Склонимся перед его свежей могилой в далекой от любимой им России Калифорнии и вспомним с удовлетворением о его ценном вкладе в борьбе с мировым злом.

Вечная память борцу за Национальную Россию!

Б.ПРЯНИШНИКОВ

Прибавим от себя несколько слов о нашем скончавшемся сотруднике. Я познакомилась лично с В.С.Кобылиным в апреле 1981 года, когда была в Калифорнии и заехала также и в маленький городок Санта Барбара, где жил В.С.Кобылин. Меня привезли туда на своей машине знакомые из Монтерей. Как только мы вошли в скромную квартиру В.С., где жила тогда еще его старая парализованная тетка, за которой он трогательно ухаживал, мы все трое невольно остановились: прямо перед нами были большие и очень хорошие портреты последних государя и государыни. Они смотрели со стены как живые, и невольно хотелось поклониться. Но В.С. не был некритическим монархистом. Он понимал, что было сделано много роковых ошибок.

В.С. начал сотрудничать в "Голосе Зарубежья" с №9 и оставался верным другом и сотрудником журнала. Никакие клеветнические выпады против журнала не могли его поколебать. Он читал журнал, участвовал в нем и сам составлял себе мнение, которое оставалось неизменно положительным. Его же статьи украшали страницы журнала.

Последний его вклад в журнал печатается посмертно в этом номере. Жаль, что В.С. не увидел этой своей статьи в журнале, но он знал, что его статья, как обычно, принята к печати. Не получил он и моего последнего письма, поздравления с Новым годом и Рождеством Христовым. Почта вернула письмо обратно... В.С.Кобылин останется для нас незабвенным.

В.ПИРОЖКОВА

В.КОБЫЛИН

ЗАСТЫВШАЯ НЕПРАВДА

(Очерк объяснения коммунистического режима)

Все повседневные события невольно отвлекают от продумывания до конца того феномена, который известен как коммунистический режим в России.

Но для того, чтобы хотя бы отдаленно понять, как может этот режим существовать так долго и претендовать на дальнейшее долготелее существование, совершенно необходимо хотя бы остановиться на отрезке приблизительно в 50 лет до 1917 года. Не надо забывать, что освобождение крестьян от

крепостной зависимости произошло за 50 с небольшим лет до революции. Монархия родилась с нацией, жила с ней, росла совместно с ней, возмечивалась, падала, находила пути общего воскресения. Наконец, по достижении нацией должной меры культурности, монархия приступила к великому акту — к уничтожению крепостного права. И тут наступает новый период, в котором мы видим себя в такой смуте, что будущее страны покрыто черным туманом.

Основой русской психологии был элемент религиозный. В этой высоте основного элемента нации лежит трудность его реализации. Тут кроется множество опасностей для монархии, так как этический религиозный элемент выдвинул ее в качестве власти верховной и он же определяет нормы жизни, способные удовлетворить русское чувство и сознание. Эту национально-психологическую почву надо помнить при суждении о нашей государственности в России после отмены крепостного права. Но с уничтожением крепостного права пришлось пересмотреть все другие отношения в государстве.

К этому движению постепенно стал присоединяться, в размерах также все более усиливающихся, социализм. Он начал проникать в народ, особенно в массы городских рабочих. Создание демократической Европы, он нес с собой идею крайней демократии, соединенную с полным отрицанием религии.

Этот "прогресс" и "дифференциация" проявились в России даже заметнее, чем в других культурных странах.

Вообще, к концу петербургского периода Россия становится культурной страной. Но процесс выработки личности имел в России и слабую сторону: слой действительно культурный был крайне мал и сосредотачивался почти исключительно в дворянстве. Но с реформой 1861 года дворянство настолько расшаталось, что, казалось, должно было совсем рухнуть. Оно обеднело и, выбитое из привычной колеи, не могло давать тона жизни. Между тем на все отрасли службы и образованных профессий хлынула масса "разночинцев" всех возможных сословий и племен, имевших между собой только ту общую черту, что все они отбились от своих социальных слоев и вошли в слой "образованный" — в "интеллигенцию", как они стали себя называть через десятка полтора лет.

Весь этот новый общественный слой, "интеллигентный", численно постоянно растущий, имел, вообще говоря, неглубокое образование и еще меньше культурного воспитания.

Эта новая "интеллигенция" унаследовала у стародворянской всю ее требовательность в отношении прав личности, но не имела ни силы, ни самостоятельности, ни тонкости личности стародворянского времени. Элементов устойчивости в ней поэтому было меньше, элементов самоуверенности и требовательности — еще больше. Первая же эпоха появления этой разночинной интеллигенции прославилась "нигилизмом", крайним отрицанием всего существующего и резким революционным характером своим.

Отмена или крайнее ослабление привилегий, дающих доступ в область "интеллигентных" профессий, и огромное расширение этой области — создали новый социальный факт. В

эту область хлынуло множество нерусских элементов, все более увеличивающихся в составе "интеллигенции". Сам по себе прилив чужих элементов хорошо знаком России, но прежде русские сохраняли достаточно силы для того, чтобы руссифицировать приходящие извне элементы. В новой России пришлые "интеллигенты" брали уже верх над коренными. Разночинская интеллигенция была внутренне слишком слаба, как культурная сила, и по своему сбродному сложению легче всего сплывала на отрицании. Естественно, лица, выходящие из разнородных по типу слоев, свободнее всего сходятся при отбрасывании каждого своего органического прошлого, и тут естественна постановка общей цели на каких-либо чисто отвлеченных началах, имеющих вид "общечеловеческих".

Таким "общечеловеческим" казалось "европейское", "общекультурное", и притом в тех кратких побегах, которые и в Европе отрицали все "старое", органическое.

Этот отрицательный, космополитический, всеорганический и потому революционный дух тяжело налег на новую Россию.

Вся эта работа происходила в котле кипения интеллигентной революционности, заливалась ею со всех сторон, не имела сил подвести какого-нибудь общенационального итога. Это состояние мысли образованных слоев тем более сложно, что интеллигенция, явно и сознательно "революционная", тесно переплеталась с интеллигенцией "национальной", выражающей органическую умственную работу России. Их коренное различие сказывается иногда очень ясно при переходе к политической деятельности, но в области культурного дела оба элемента смешиваются нередко даже в одной и той же личности.

Например Лев Толстой — с одной стороны крайний отрицатель и даже революционер, но он же — великий работник национального самосознания. То же приходится сказать о Салтыкове-Щедрине, Владимире Соловьеве, Глебе Успенском. Эта интеллигенция — не только в своих крайних проявлениях, но и в умеренных, так называемых либеральных, отрицала не частности строения, а самую строящую силу, требовала от нее не тех или иных мер, а того, чтобы она устранила самое себя, отдала Россию им. Тяжкий смысл этого положения едва ли у нас сознавался властью, которая, будучи основана на нравственном единении с нацией, с трудом представляла себе, чтобы среди "своих" сама революционная интеллигенция, как "мирная", так и "боевая", вполне понимала положение и систематически направляла все свои усилия к тому, чтобы все устроительные меры власти, всякий шаг развития страны обратить в орудие борьбы против данного строя. Что касается интеллигенции чисто революционной,

то она скоро дошла до самой яркой борьбы, с помощью политических убийств, создав тактику "террора".

Распространение просвещения заставляло работать мысль народа, перенесло к нему те же запросы, те споры, те идеи, которые волновали верхние, образованные слои.

Отсюда, при многих благих последствиях, развилось также много очагов как сектантско-религиозного движения, так и социально-революционного. Народная масса вовсе не обнаружила при этом умственной или нравственной беззащитности. Она имела свои верования и в них, вообще говоря, оказалась гораздо более стойка, нежели высшие классы.

С 1861 года масса народа уже неизбежно должна была все более терять свой прежний, крепко сложенный, однообразный состав.

В социально-экономическом положении народа начались глубокие изменения. Особенно важно было развитие фабрично-заводской промышленности, привлекающей к себе миллионы народа. Общественному мирозерцанию человека здесь грозит только разложение. И вот здесь на фабрике, среди населения, лишённого всяких социальных устоев, особенно нашла себе почву отрицательная и социалистическая пропаганда. Революционная пропаганда почти исключительно через них проникла в народную массу.

С упразднением социально-исторической роли дворянства около церковной власти остались только ее бюрократические служебные органы. Это было роковое обстоятельство, которое разъединило Царя и народ в тот самый момент, когда их единение было наиболее необходимо. Но, с признанием крестьянства и всех русских подданных свободными гражданами, открывалась потребность в создании учреждения, которое заполнило бы пустоты, образующиеся между властью и нацией при падении крепостных основ. После 1861 года около верховной власти осталась только бюрократия. Она все делала за Россию. И вот в течение 45 лет она успела вырыть такую яму между Царем и народом, какой никогда не было за все предыдущие 1000 лет существования России. Не будучи в непосредственном общении с народом, носитель верховной власти теряет способы являться отзвуком народных стремлений, не может устранить и разницы в тоне государственных и народных стремлений.

Нравственное единение становится крайне затруднительным, когда оно не поддерживается, не доказывается, не проявляется. В народе неизбежно начинают шевелиться сомнения в реальности такой формы верховной власти, и получает успех проповедь других принципов государственного строя.

Затем в России наступили события, которые изменили весь ход нормальной жизни. Это

событие приводится в крайне сокращённом виде. В 1904 году вспыхнула война между Россией и Японией. Из-за неблагоприятных военных событий в России начались революционные выступления. При самом крайнем напряжении военные неудачи были остановлены, но зато по всей России произошли серьёзные революционные события. Продолжались эти беспорядки четыре года. 17-го октября 1905 г. Государь выпустил манифест, по которому вводился новый государственный строй, получивший название Думской Монархии. Первым премьером был назначен Витте, которому же было поручено заключение мира с Японией при помощи Соединённых Штатов. Затем Витте был заменён Горемыкиным, а вскоре его сменил Столыпин, который "железной рукой" остановил все волнения революционного характера. Так продолжалось до первой мировой войны, которая была спровоцирована врагами монархического строя. Началась война при демонстрациях в пользу Государя, но в скором времени неудачи на фронте резко изменили настроение. В конце концов Государь сменил на посту Верховного Великого Князя Николая Николаевича. К тому времени по всей стране (главным образом в обеих столицах) резко обозначились антиправительственные настроения. Государственная Дума была во главе этих настроений. К тому же среди старших военачальников возникли на почве всяких слухов настроения, направленные против носителя Верховной Власти.

В Петрограде вместо верных частей стояли запасные батальоны, распропагандированные социалистами. При помощи немецких денег, с помощью которых Германия решила не допустить весеннего наступления русской Армии, в конце февраля 1917 года начались уличные выступления запасных батальонов. Под предводительством унтер-офицера Кирпичникова (сына профессора, социалиста) началось восстание. Был убит капитан Лашкевич, а мятежный полк вышел на улицу, подбивая всех к неподчинению.

Тут произошло то, чего так хотели немцы. Уличное восстание в Петрограде получило моральную помощь от Государственной Думы, а мятежные генералы (все генерал-адъютанты) саботировали все распоряжения Государя. Кончилось это насильным отречением Государя Императора.

Но в первый же день образовался совет солдатских и рабочих депутатов, которые самовластно стали распоряжаться всем и вся.

Уже тогда распущенные солдаты почувствовали, что они могут делать, что хотят. Выпущенный временным правительством приказ №1 отменил дисциплину в Армии, и Российская Армия перестала существовать.

Появление у власти Керенского ускорило

приход ко власти большевиков с Лениным во главе.

А Ленин был тем человеком, который не останавливался ни перед каким преступлением, лишь бы добиться своего. Ленин не допустил созыва Учредительного Собрания, убил Государя и Его Семью, заключил Брестский ("похабный") мир, разрушил Православную Церковь, как он сам говорил, "додушил буржуев". Крестьяне оказались при нем в худшем положении, чем при крепостном праве.

Ленин умер в январе 1924 года. Но еще за два года до смерти он превратился в

С.ТИКТИН

ЕЩЕ РАЗ О ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЕ

1. Радиоактивный фейерверк

Уже почти год отделяет нас от чернобыльской катастрофы. Постепенно просачиваются все новые и новые сведения о ней, не подлежащие официальной советской гласности. А с ними приходит и все большее понимание того, что именно там произошло и как оно происходило.

По заключению Американской Национальной Лаборатории им. Лоуренса в Ливерморе, взорвавшийся реактор выбросил больше долгоживущих радиоактивных изотопов, чем все произведенные на Земле ядерные взрывы.

Почему так много? Ведь хотя реактор и был сильно разрушен, он не взлетел на воздух весь в буквальном смысле этого слова.

Советская печать неоднократно проговаривалась о множестве раскиданных по всей территории станции и вокруг нее локальных источников радиации, излучение которых значительно превышает ее средний фон, вызванный выпавшей радиоактивной пылью. Известно также, что в реакторе произошел не один взрыв, а два, с интервалом около секунды. Второй взрыв сопровождался не только выбросом огненного облака — иными словами, раскаленных газов и дымов, но и "фейерверком", то есть разлетом большого числа раскаленных до яркого свечения твердых объектов отнюдь не микроскопических размеров.

Согласно советской официальной версии катастрофы, во время эксперимента с прекращением подачи пара из реактора в турбину, реактор "пошел в разнос". Вода, заполнившая его рабочие охлаждаемые каналы, превращалась в пар высокого давления, поглощавший нейтроны гораздо меньше, чем их поглощает вода, из-за чего интенсивность цепной реакции деления урана и, следовательно, тепловая мощность реактора стала лавинообразно нара-

полуидиота. Его мумия находится в специально построенном мавзолее. Большевизм при Ленине, Сталине, Хрущеве и других вырождаках представляет собой "Застывшую неправду". Они повинны в смерти десятков миллионов людей, в превращении нормальной жизни в дом умалишенных, а теперь они представляют собой угрозу для всего мира. Конечно, по всем возможностям своего потенциала, они выглядят непобедимыми.

Мы также знаем, что "Бог поругаем не бывает".

Чем все это кончится, одному Богу известно.

Его тепловыделяющие стержни из окиси урана стали перегреваться. Выключить реактор вовремя не удалось. Возникла химическая реакция между паром и их оболочкой из циркониевого сплава. Образовавшийся при этом водород, смешавшись с кислородом, взорвался.

Ну, а второй взрыв — и упомянутые в представленном МАГАТЭ советском отчете взлетевшие над четвертым энергоблоком "какие-то горящие куски и искры, часть которых упала на крышу машинного зала (не соломенную — С.Т.) и вызвала пожар"? Что они собой представляли? Из чего они состояли? Ведь не светятся даже осколки снарядов и пули (кроме трассирующих), разогнанные раскаленными газами взрыва или выстрела.

Возникает следующая картина:

Вследствие разрушения многих каналов первым взрывом и вызванным им падением подъемного крана на активную зону реактора пар вырвался наружу и его давление в них могло за время порядка десятой доли секунды упасть до близкого к атмосферному, из-за чего поглощение им нейтронов в активной зоне фактически прекратилось и развитие цепной реакции многократно ускорилось. Некоторые американские специалисты полагают, что в промежутке между взрывами мощность реактора выросла в сотни раз. В таком случае температура ядерного топлива в активной зоне за доли секунды должна была подняться на тысячи градусов, превысив его точку плавления (около 3000 градусов Цельсия), а на отдельных участках — точку кипения. Каналы реактора "выстрелили" раскаленными добела мелкими и крупными обломками ядерного топлива (отсюда и "фейерверк"). Другие его обломки вонзились в нагретый до 600—700 градусов графит и подожгли его "с середины и со всех концов". Этот второй взрыв был по существу взрывом ядерным, но поскольку сверхкритичность

активной зоны нарастала с относительно не очень большой скоростью, а цепная реакция шла на замедленных нейтронах, он происходил совершенно иначе, чем взрыв атомной бомбы (Здесь можно провести аналогию с разницей между горением нитроцеллюлозы — основы "горючей" фотопленки и детонацией нитроглицерина или тринитротолуола).

Взрыв деформировал периодическую структуру активной зоны реактора и выбросил из нее значительную часть топлива, вследствие чего цепная реакция деления урана прекратилась полностью или почти полностью. Однако советские специалисты весьма опасались ее возобновления и новых взрывов с выбросом радиоактивных веществ. Поэтому на реактор и было сброшено с вертолетов большое количество боросодержащих материалов, поглощающих нейтроны.

В наспех сварганенной корреспондентом "Правды" В.Губаревым мелодраматической пьесе "Саркофаг" один из ее героев, "физик", получивший смертельную дозу облучения, говорит: "...Атомный дьявол вылез... Казалось, мы, физики, знаем о нем все, но, простите, ошиблись". И далее: "Поверьте, опыт бесценен. Да, страшен, да, жесток, но бесценен".

Но в том-то и дело, что при катастрофе реактора на Чернобыльской АЭС не произошло никаких неизвестных науке, непредвиденных ею явлений. С этим реактором-гигантом случилось как раз то, что предполагали (якобы) осуществить немецкие физики на реакторе-бомбе во время второй мировой войны и осуществили американские в 1955 году при экспериментальном взрыве пущенного "в разнос" небольшого опытного реактора. Именно этот взрыв дал, более тридцати лет назад, действительно бесценные данные для расчета и конструирования защитных колпаков реакторов будущих АЭС — чтобы "атомный дьявол" (то есть радиоактивные вещества) не смог из них вылезти при самой тяжелой аварии. Мощность аналогичного ядерного "хлопка" на Чернобыльской АЭС была куда большей — соответственно размерам реактора, но что он дал, кроме, действительно, неисчислимого вреда?

Если бы извергнутое реактором ядерное топливо состояло из металлического урана, последний полностью сгорел бы в воздухе, превратившись в пыль из его окиси, как это происходило при аварии английского реактора в Виндскейле в 1957 году. Но поскольку в реакторах Чернобыльской АЭС РКБМ-1000 топливо состояло из этой самой негорючей окиси (спрессованной и спеченной в виде керамики), то АЭС и прилегающая к ней территория оказались не только покрытыми радиоактивной пылью, продолжавшей и далее выноситься в столбе пламени горящего гра-

фита, но и усыпаны обломками ядерного топлива, содержащими в высокой концентрации радиоактивные продукты деления урана: изотопы йода, стронция, цезия и др.

Другой смертельно облученный персонаж упомянутой пьесы В.Губарева, "оператор", сообщает "прокурору": "Графит раскаленный видел. Куски на полу реакторного зала. Ярко-синие такие и светятся. И без счетчиков ясно, что не двадцать и не двести, а под тысячу будет!" Речь идет здесь об интенсивности излучения. Откуда у графита, только замедляющего нейтроны, но не реагирующего с ними, взялась такая высокая радиоактивность, — не ясно. Но что обломки ядерного топлива (а его в реакторе было более 190 тонн) находятся вне пределов советской "гласности", — ясно как день.

Эти обломки, часто вплавившиеся в землю и материал крыш, представляли особую опасность для людей и весьма осложняли дезактивацию строений АЭС и окружающей ее местности.

2. Обреченный контингент

После краткого периода замалчивания советская пресса начала расписывать на все лады как работу по ликвидации последствий катастрофы и восстановлению АЭС, так и партийно-государственную заботу о тех, кто ее выполнял. В газетах публиковались фотографии бульдозеров и других машин с защищенными кабинами, снимающих загрязненный радиоактивными выбросами слой почвы, фотографии людей в спецодежде и респираторах, с распылителями дезактивирующих составов в руках. Красочно описывались героические усилия врачей, пытавшихся спасти даже безнадежно облученных. Писали о создании хороших бытовых условий для работающих в пораженной зоне, о превосходном их питании (в чем корреспондентам предоставлялось убедиться самим), о вахтовом методе работы: пятнадцать дней труда в пораженной зоне — пятнадцать дней отдыха за ее пределами под медицинским наблюдением, о сокращенном рабочем дне на вредных работах и строгом индивидуальном дозиметрическом контроле — с освобождением от работы при облучении, превысившем допустимые нормы.

Все это, по всей видимости, действительно имело место в отношении определенного контингента людей. Речь идет об оставшихся на АЭС ее постоянных работниках, работниках специализированных гражданских организаций и военнослужащих специальных подразделений, официальных командированных, часто вместе с соответствующей техникой, на аварийные работы в качестве специалистов и квалифицированных рабочих, знания и опыт

которых могли бы пригодиться и в будущем.

Но был и другой контингент: сто тысяч — не намного меньше числа эвакуированных жителей Чернобыльского и прилегающих к нему районов — мобилизованных как будто на военную переподготовку людей самых разных специальностей, использовавшихся в качестве чернорабочих и (!) подопытных кроликов.

На состоявшемся в Париже 3-го декабря 1986 года — уже после пуска энергоблока №1 коллоквиуме на тему "Чернобыль: факты и уроки" заведующий службой радиологической гигиены при французском Комиссариате атомной энергии д-р Ж.К.Нено признал косвенным образом, что восхитившие западных специалистов аварийные работы на Чернобыльской АЭС велись без должного внимания к тем, кто в них участвовал. Согласно данным стокгольмского комитета солидарности эстонских беженцев, сообщения которого котируются в западной прессе как достоверные, из ста тысяч мобилизованных в мае (когда еще и короткоживущие радиоизотопы не успели распасться полностью!) на аварийные работы на Чернобыльской АЭС двадцать тысяч человек прибыли из подсоветской Прибалтики. Среди них четыре тысячи эстонцев — около двух процентов половозрелого, способного к воспроизводству потомства мужского населения "республики". Журнал "Посев" №10 за 1986 год также сообщает о подобной мобилизации на Западной Украине. Мобилизованным говорили, что это лишь "командировка", причем "добровольная" (!), что рабочий день будет сокращенным, чуть ли не двухчасовым, чтобы не подвергаться высокой дозе облучения, что работа вообще не будет опасной, что все будут на месте обеспечены необходимой спецодеждой и т.д. и т.п. Были среди чернобыльских "добровольцев" и заключенные.

Газета "Новое Русское Слово" от 28 августа 1986г., ссылаясь на "Нью-Йорк Таймс", сообщает об опубликованной между 12-м и 16-м августа 1986 года таллинской комсомольской газетой "Ноорте Хааль" серии статей ее корреспондента Тониса Авиксона, побывавшего на Чернобыльской АЭС. Мобилизованных зачастую даже не вызывали по повестке из военкомата (как это принято в СССР в мирное время), а поднимали среди ночи и увозили в неизвестность. Их рабочий день в пораженной зоне вокруг АЭС продолжался — вопреки узаконенным нормам — 14 часов, с восьми утра до шести вечера. Эстонцы обмывали из пожарных шлангов дома и деревья, удаляли зараженный радиоактивными выбросами верхний слой грунта и заменяли его новым. Впоследствии выявились пикантные подробности: съем грунта, его погрузка на самосвалы и разравнивание привезенного

незараженного (ли?) грунта производилось вручную, лопатами. Следует отметить, что при такой "деактивации" осевшая на землю радиоактивная пыль неминуемо подбрасывалась в воздух, на волю ветра, вторично. Никакой спецодежды, способной хотя бы защитить от попадания на кожу радиоактивных веществ, эстонцам не выдавали. Только марлевые маски-"намордники" кустарной выделки. Питание было отвратительным. Жили в палатках.

Кто именно, что за служба техники безопасности неслась хотя бы формальную ответственность за жизнь и здоровье мобилизованных, не состоявших ни в штате АЭС, ни в штате гражданских организаций, выполнявших там аварийные работы, ни в составе срочных и кадровых военнослужащих направленных туда войсковых подразделений — неизвестно.

Эстонцы стали болеть. У них было достаточно оснований подозревать причину этого в облучении, а им заявляли, что уровень радиации "нормальный". Неудивительно, что, по словам Авиксона, среди эстонцев царили "возмущение, озлобленность и отчаяние". Тем временем, как сообщила "Русская мысль" от 14 ноября 1986г., в Эстонии распространились тревожные слухи о судьбе мужчин, находившихся на Чернобыльской АЭС. Слухи эти перешли в массовую панику после того, как досрочно отпущенные оттуда по болезни рассказали, как некоторых из них, одев в специальную одежду, сажали в особое помещение, где на пол выливали радиоактивный раствор. Начальство называло это "тренировкой", проводимой для того, чтобы они смогли лучше противостоять облучению. После этих "экспериментов" — вполне в стиле д-ра Менгеле — подопытные люди неизбежно заболели.

В июне, когда двухмесячный срок пребывания эстонцев на Чернобыльской АЭС подходил к концу, им объявили, что он продлен на четыре месяца. Чаша терпения переполнилась. Эстонцы бросили работу. Несколько сот их пошли введавший ими "штаб" и стали требовать объяснений, заявив: "Хватит. Мы свое отработали!" Ответом был отборный руководящий мат, а затем кулаки, палки и песок в глаза. Авиксон, стараясь смягчить, невольно подтверждает факт потасовки: "Кого-то схватили за шиворот", "кому-то досталось коленом под зад", "кто-то бросался песком". Эстонцы отправили письмо в Москву, протестуя против издевательств и беззакония. Там не нашли ничего лучшего, как прислать к ним для подъема духа эстонский эстрадный ансамбль. Зрители оствистали и прогнали его со сцены, а затем устроили импровизированный спектакль, в котором открыто высмеяли чернобыльское начальство

и его действия.

Начавшаяся в июне забастовка эстонцев продолжалась и в июле. Авиксон, пытаясь доказать, что "почерпнутые из писем, полученных в Эстонии, сообщения о восстании, забастовке, или как там это все называлось, оказались крайне преувеличенными", продолжал: "Вначале известие о продлении срока отбило у людей желание работать, создало взрывоопасную психологическую ситуацию. Какое-то время люди, прежде работавшие, как быки (сравнение! — С.Т.), стояли сложа руки. Мало-помалу нормальный рабочий ритм был восстановлен и... к середине июля все в этом отношении снова вошло в норму".

Продолжения, в котором бы Авиксон сообщил, как произошла эта "нормализация", не последовало. Оно никак бы не уместилось в рамках директивной "гласности". В августе 1986 года из-под Чернобыля был отпущен офицер запаса эстонец Гуннар Хагельберг, получивший смертельную дозу радиации. Перед смертью он сообщил о том, что двенадцать эстонцев, отказавшихся продолжать убийственную работу, были там расстреляны. Это сообщение, подтвержденное стокгольмским комитетом солидарности эстонских беженцев, было опубликовано западной печатью. ТАСС выступил с немедленным опровержением, приписав это сообщение "Голосу Америки". Что ж, ТАСС опровергал и концентрацию немецких войск на советской границе — за неделю до начала войны, и убийства польских офицеров в Катыни советскими чекистами, и похищение ими шведского дипломата Валленберга и многое-многое. Ему не привыкать. Зато подсоветские люди на основании долголетнего опыта давно уже привыкли думать, что если ТАСС что-то опровергает, значит оно так и есть.

Был ли над этими эстонцами какой-либо формальный "суд" или приговор был вынесен во внесудебном порядке по какой-то секретной инструкции и какой инстанцией — неизвестно. Так же, как и имел ли к этому делу отношение краткий визит председателя КГБ В.Чебрикова в район Чернобыльской АЭС.

Последствия облучения и болезни стали принимать у эстонцев массовый характер и многим из них было разрешено вернуться домой задолго до истечения полугодичного срока "военной переподготовки". Авиксон сообщает, что они опасаются остаться после нее импотентами: "Не один из них беспокоился, что планы, которые он строил до отъезда с девушкой или молодой женой, в этом перемешавшемся мире могут пойти прахом".

А если не станут импотентами?

Двадцать с лишним лет назад в США были истреблены популяции мясной мухи в ряде штатов. В популяцию выпускались предвари-

тельно облученные соответствующей дозой радиации самцы. Через несколько поколений в ней появлялся большой процент всевозможных уродов. А затем вся популяция исчезала. Вымирала не "как мухи", а полностью.

А ведь генетический механизм передачи наследственных признаков у мух и у людей одинаков!

Население Советского Союза в 1986 году составляло около 280 миллионов. Население оккупированных им прибалтийских стран Восточной Европы составляет менее 5% этой цифры. Рост его — самый низкий в Союзе. А в Эстонии — нулевой, если не отрицательный. Почему же на аварийных работах на Чернобыльской АЭС прибалты составляли 20% всего контингента мобилизованных?

Серьезные подозрения вызывают и специфика использования мобилизованных, и условия их работы. Ведь один скрепер или бульдозер (а такая техника была брошена в Чернобыль в изобилии) могли с успехом заменить сотни землекопов, тем более — не профессиональных — и не распылять повторно радиоактивные выпадения.

В опубликованной в "Русской Мысли" от 7 ноября 1986 года статье "Еще двенадцать жертв Чернобыля" ее автор, С.Шустер, делает предположение, что советское руководство считает коренных жителей оккупированной Прибалтики мало полезным и даже вредным компонентом подвластного населения, систематически получающим нежелательную для властей информацию от западных радио- и телевизионных передач и к тому же способным активно протестовать и бастовать. В таком случае и население западных областей Украины, в свое время доставившее немало неприятностей советскому руководству, и ряд других групп подсоветского населения, в том числе и многие категории заключенных, также могут быть отнесены им к нежелательным компонентам общества развитого социализма, коих "можно облучать" (С.Шустер). То есть расчетливо и сознательно подставить под радиационный удар.

Можно, конечно, строить различные предположения о том, почему процент прибалтов, в частности, эстонцев, среди обреченного контингента в Чернобыле был столь непропорционально велик. Но ясно, что случайно это произойти не могло.

Предвидимые и непредвидимые последствия этого геноцида — геноцида в наиболее прямом смысле этого слова — еще впереди.

3. "Человеческие ошибки"

Официальная версия чернобыльской катастрофы гласит: "результат человеческой ошибки".

Когда во время сорокасекундного экспе-

римента реактор "пошел в разнос" и его тепловая мощность стала расти все быстрее и быстрее, была включена аварийная защита. Но аварийные стержни, поглощающие нейтроны, заклинило в уже поврежденных каналах активной зоны. Будь кнопка нажата чуть раньше, катастрофы, возможно, удалось бы избежать. Но эксперимент был бы сорван и, поскольку реактор выводился из рабочего режима на профилактический ремонт, отложен всерьез и надолго. Тоже была бы "человеческая ошибка"? Но почему условия этого эксперимента так напоминают прохождение между Сциллой и Харибдой? Чтобы его выполнить, был прерван сложный процесс остановки реактора. С целью во что бы то ни стало остановить продолжающееся падение его мощности, обусловленное кратковременным отравлением топлива образовавшимся в нем ксеноном¹, поглощающим нейтроны (явлением хорошо известным) управляющие цепной реакцией стержни и почти все аварийные стержни были выведены из активной зоны, а автоматические устройства защиты, мешавшие этому, отключены. Таким образом, реактор был введен в исключительно опасный, в высшей степени неустойчивый режим. Достаточно было малейшего толчка, чтобы его стабильность была нарушена и реактор "пошел в разнос". Таким толчком и явилось прекращение подачи пара в турбину. Тоже "ошибка человеческая", но уже на уровне руководства АЭС?

Если бы реактор не был связан с турбиной непосредственно, а через промежуточный теплообменник, как это имеет место на всех АЭС Запада и, как это сегодня удивительно ни звучит, — на пущенной более тридцати лет назад "первой в мире" опытной АЭС в Обнинске, эксперименты с турбиной не сказались бы столь роковым образом на режиме реактора. "Человеческая ошибка" на стадии конструирования? Зато какая экономия и за счет исключения теплообменника, и на меньшем давлении в парогенерирующих трубах (60 атмосфер вместо ста) и на большем коэффициенте полезного действия! Что из того, что в турбины поступает радиоактивный пар, то и дело выбрасываемый в атмосферу?

То, что кипящий реактор канального типа на обычной (поглощающей нейтроны) воде неустойчив в работе и способен к разгону, а горящий графит крайне трудно тушить — было советским специалистам в 1970-е годы тоже хорошо известно. Но тем не менее именно этот тип реактора был выбран в качестве основного для советской большой ядерной энергетики². Снова "человеческая ошибка"? Сколько людей и каких рангов людей в ней участвовали?

Но зато такого рода реакторы не требуют гигантских толстостенных контейнеров, не

освоенных как следует советской промышленностью, и, главное, исключительно удобны для непрерывного производства плутония, идущего на изготовление ядерных боеприпасов.

О том, что на Западе над куда более совершенными и безопасными реакторами в обязательном порядке устанавливаются защитные железобетонные колпаки, уже не раз предотвращавшие катастрофы, советские специалисты также отлично осведомлены. Но над ненадежными советскими реакторами колпаков, способных удерживать "атомного дьявола", нет. Решение не строить их утверждено на таких верхах, с которыми спорить бессильны люди масштаба академиков П.Л. Капицы или А.Д. Сахарова. В результате советские АЭС оказываются на деле "вороньими слободками", но на ядерном уровне. Опять "человеческая ошибка"?!

Но какой генсек не призывает к строжайшей экономии (какими бы потерями она ни оборачивалась в итоге)?

4. Кто же не дорос?

Через несколько месяцев после чернобыльской катастрофы английскими издательствами Pan Books, Ltd. и W. Hillman, Ltd. был выпущен сборник статей "The Worst Accident in the World (Chernobyl: the End of the Nuclear Dream)" — "Наихудшая катастрофа в мире (Чернобыль: конец ядерной мечты)". Сборник этот содержит немало интересных фактографических материалов о развитии ядерной индустрии и энергетики в разных странах. Однако многие его авторы делают из чернобыльской катастрофы выводы, разительно противоречащие приведенным фактам.

"Человек еще не дорос до того, чтобы доверить себя ядерным реакторам" (лауреат Нобелевской премии сэра Дж. Портера, Новая Зеландия) или: "Наша техника вышла за пределы нашего понимания, наш разум вырос быстрее, чем наши знания" (д-р Р. Ревель, председатель национального комитета США по международной биологической программе).

Венчает их статья бывшего корреспондента США в Москве А. Вильсона, в которой он недвусмысленно утверждает, что чернобыльская катастрофа знаменует начало конца ядерной энергетики во всем мире.

Мы уже отмечали, что опасные характеристики установленных на Чернобыльской и многих других советских АЭС кипящих реакторов канального типа с графитовым замедлителем были давным-давно известны (почему такие реакторы уже много лет как сняты с эксплуатации в странах свободного мира), что при этом у них отсутствовали защитные колпаки; а в ходе чернобыльской

катастрофы не произошло ничего, не известного науке и не предсказанного ею.

Эта катастрофа воочию показала, как нельзя проектировать, строить и эксплуатировать предприятия ядерной индустрии. Она показала, что ядерная энергетика действительно предъявляет к уровню технологии, технической культуре, познаниям и квалификации занятого в ней персонала высокие требования, которые, однако, несовместимы не с человеческими возможностями как таковыми, а с условиями тоталитарного режима с его централизованной экономикой и управлением.

Тем не менее два реактора Чернобыльской АЭС уже пущены в ход. Попытались запустить и третий, находящийся в одном здании с разрушенным четвертым, замурованным в мавзолеоподобный "саркофаг". Но пока пришлось его выключить из-за утечки радиоактивных веществ, недопустимой даже по советским нормам. В ближайшее время предполагается в соответствии со старым планом приступить к строительству пятого и шестого энергоблоков с такими же реакторами РКБМ-1000. Впрочем, станция тогда не достигнет проектной мощности. Не будут ли они заменены поэтому на реакторы следующей серии РКБМ-1500, тех же габаритов, но в полтора раза мощнее — и еще более опасные? Радиоактивное "дыхание" таких реакторов, работающих на Игналинской АЭС в Литве, не раз отмечали дозиметрические службы Финляндии и Швеции уже после катастрофы на Чернобыльской АЭС³.

Можно, конечно, гадать о произведенных наскоро усовершенствованиях систем аварийной защиты советских реакторов, об изменениях, внесенных в хранящиеся в сейфах инструкции. Но сам факт поспешного пуска в эксплуатацию на Чернобыльской АЭС тех же реакторов РКБМ-1000 — и по-прежнему без защитных колпаков — убедительно показывает (вопреки уверениям всяких легасовых о "пересмотре концепции развития атомной энергетики в стране"), что советские технические концепции ядерной энергетики по существу остались прежними, что советское руководство не сделало надлежащих выводов из чернобыльской катастрофы. "Человеческая ошибка" на высшем уровне? Но могло ли оно их сделать, оставаясь самим собой?

Весьма характерно, что "зеленые", "экологи" и иже с ними на Западе по-прежнему яростно требуют полной ликвидации ядерной энергетики свободного мира, но не протестуют против пуска реакторов Чернобыльской АЭС.

Развитие ядерной энергетики в свободном мире имело уже несколько периодов подъема и спада, хотя поиски и разработки продолжались непрерывно. В ближайшее время под действием морального шока, вызванного чернобыльской катастрофой, и усиленно исполь-

зуемого советской агентурой влияния в свободном мире, возможен определенный спад развития его ядерной энергетики, который через несколько лет сменится очередным подъемом. Скорее всего — на базе усовершенствованных реакторов-размножителей на быстрых нейтронах, позволяющих в конечном счете использовать энергию деления всего урана, а не только его легкого изотопа. Теперешняя приостановка падения цен на нефть и даже некоторое их повышение будут стимулировать этот процесс. Так или иначе, первоначальный, чреватый наибольшими опасностями, этап развития ядерной индустрии давно пройден развитыми странами свободного мира без катастроф масштаба чернобыльской, средства технической и экологической защиты хорошо отработаны и непрерывно совершенствуются, а малейшие аварии, малейшие утечки радиоактивных веществ немедленно становятся достоянием неподдельной гласности с тягчайшими экономическими последствиями для виновных фирм. Назад пути у Запада нет. Не снята, правда, угроза целенаправленного террора против ядерной индустрии свободного мира. Но это особый вопрос.

В Советском Союзе и у его сателлитов, равно как и в ряде стран "третьего" мира, рвущихся в атомный век, не имея достаточных технологических и экономических возможностей для обеспечения технической и экологической безопасности своей ядерной индустрии, опасная ситуация сохранится и может даже усугубиться. Новые катастрофы, в том числе и масштаба чернобыльской, отнюдь не исключены в будущем именно этих стран. А систематические "тихие" утечки радиоактивных веществ и постепенное загрязнение ими окружающей среды, скрываемые властями, могут и без таких катастроф медленно, но верно сделать непригодными для жизни обширные регионы социалистического и "третьего" миров⁴, вызвать необратимые поражения генофонда населяющих их этносов и создать серьезную угрозу человечеству в целом.

Ибо мир един, а радиация, как говорят сами "экологи", не имеет границ.

А Черная быль продолжается.

"Армянское радио" отвечает на поступающие вопросы:

— Когда сбудутся прогнозы последствий катастрофы?

— В текущей пятилетке, в результате их ускоренного развития.

— Можно ли сделать реактор "чернобыльского типа" полностью безопасным?

— Можно. Если его взорвать прежде, чем запустить.

— Что уже можно употреблять в пищу в Киеве?

— Все, что угодно. Только стронций рекомендуется выплевывать.

На базаре сидит женщина с мешками и кричит:

— Картошка из Чернобыля! Картошка из Чернобыля!

Подходит к ней парень:

— Ты что, тетка, немножко того?.. У тебя же не никто не возьмет.

— Еще как берут, милый. Для тещ, для соседей.

¹Превращающимся с коротким (9,5 часа) периодом полураспада в йод.

²На тяжелой воде, не поглощающей нейтроны, подобные реакторы могли бы работать куда более устойчиво и не представлять такой опасности. Но производство ее недешево: только энергетические затраты составляют несколько квт.-часов на грамм. Никакие ее утечки, не говоря уже о сбросе ее пара

в атмосферу, экономически недопустимы. Поэтому подобный вариант для советской технологии совершенно неприемлем.

³Делались попытки "объяснить" тревожные сигналы неисправностями дозиметрической аппаратуры, но почему-то эти "неисправности" возникают в разных местах почти одновременно или одновременно.

⁴В прессу просочились сведения о больших утечках радиоактивных веществ на индийском реакторе в Таралуре. В некоторых помещениях атомного комплекса загрязнение таково, что пребывание в них даже в течение нескольких минут стало опасным. Но реактор работает...

Вскоре после чернобыльской катастрофы большая группа советских ученых обратилась в ЦК КПСС с требованием закрыть в Армении АЭС, загрязнившую (без всяких взрывов!) радиоактивными выбросами значительную территорию, и предать суду тогдашнего председателя Госкомитета СССР по атомной энергии А. М. Петросьянца как государственного преступника.

Надо ли говорить еще и об авариях советских атомных подводных лодок, загадивших не одно море?

Всего не перечислишь...

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

1. Волнения в СССР

16 декабря 1986г. Д. Кунаев был снят с поста первого секретаря ЦК Казахстана, а на его место был назначен Г. Колбин. Затем произошло нечто необычайное. 17, 18 и 19 декабря в Алма-Ате происходили уличные беспорядки. По сообщениям информационных агентств, группа студентов вышла на улицы, чтобы выразить свое недовольство резолюцией ЦК и протестовать против замены казаха русским на посту первого секретаря ЦК Казахстана. По сообщению ТАСС, к студентам присоединились "хулиганы, тунеядцы и другие антиобщественные элементы", которые поджигали магазины, частные машины, нападали на граждан и представителей органов охраны порядка. По слухам, волнения были организованы приближенными Кунаева. Имеются убитые и раненые, в том числе около 200 человек было тяжело ранено. Арестовано свыше 1000 человек. Начались политические репрессии — 7 января "Казахстанская правда" сообщила о приговоре учительнице Г. А. Сабитовой — 5 лет лагерей за "попытку разжечь национальную вражду, подстрекая молодежь и изготовив плакат и листовки". (Р. М. 23.1.87). Это первый случай в истории СССР, когда население протестует против назначенного ему руководителя.

Здесь необходимо вспомнить, что писал о деле Кунаева А. Авторханов в своей книге "От Андропова к Горбачеву", вышедшей в июле 1986г.: "Между тем, в своей спешке и самоуверенности, Горбачев допустил ошибку, которая могла стать роковой. Чистки ждали

два члена Политбюро: первый секретарь ЦК Казахстана Кунаев и первый секретарь ЦК Украины Щербицкий. Активы Казахстана и Украины увидели на примерах тотальной чистки других республик и областей, что их ждет, если их первые секретари не будут переизбраны. Это сплотило их вокруг их секретарей. Чтобы снять члена Политбюро Гришина с должности первого секретаря Московского горкома, Горбачеву пришлось лично руководить московской партконференцией, но он не осмелился для той же цели поехать на съезды компартий Украины и Казахстана. Щербицкий и Кунаев были переизбраны первыми секретарями и остались членами Политбюро.

Первой заботой Горбачева перед съездом было ограничение возможностей КГБ организовать заговор. Отсюда его дальновидный шахматный ход, исключительное значение которого могут понять только посвященные: снятие верховного чекиста Федорчука с поста министра внутренних дел СССР и назначение на его место своего приятеля, коллеги и непосредственного соседа, когда Горбачев работал на Северном Кавказе, — бывшего первого секретаря Чечено-Ингушского обкома А. Власова. Внутренние войска МВД переходят в подчинение КГБ, если где-нибудь вспыхнуло народное восстание, но может ли КГБ использовать их в заговорщицких целях, зависит от того, кто возглавляет МВД. Вот этот акт Горбачева и привел к образованию первой трещины между ним и КГБ.

Подготовка брежневского большинства пленума ЦК к съезду велась за кулисами. В

чем же она заключалась? — Новый Центральный комитет на 60% состоит из старых его членов, куда включены и виднейшие представители опальных кадров, снятых с их ответственных должностей (Тихонов, Байбаков, Пономарев, маршал Огарков, маршал Голубко, адмирал Горшков). Горбачев принял эти требования.

Покровитель и союзник генсека — КГБ, верно оценив создающуюся в партии ситуацию, лавирует между старыми и новыми кадрами. Дискриминированная армия не в восторге от своего верховного главнокомандующего. Партократия видит в нем узурпатора. Лигачев, вероятно, метит в генсеки. Громыко явно заявляет претензии на роль духовного вождя партии и верховного судьи в ее внутренних делах" (Имка-пресс, стр. 333—347).

8 января в "Правде" было опубликовано за подписью Чебрикова сообщение о том, что начальник КГБ по Ворошиловградской области А. Диченко отстранен от занимаемой должности и уволен из КГБ за "необоснованное возбуждение уголовного дела и арест журналиста В. Берхина" (Р.М. 16.1.87). Приведем по этому случаю высказывание Э. Орловского: "О непрочности положения Федорчука свидетельствовало то, что он считал нужным отвечать на критику в адрес своих подчиненных на страницах печати. Мне представлялось, что будь его положение прочно, он поручил бы это своим подчиненным... то ли он знал, что ждут ответа лично от него" ("Внутренние противоречия" №16, 1986, стр. 20).

Послушаем теперь Б. Шрагина: "Можете мне поверить: я не испытываю симпатий к тем партийно-правительственным иерархам, которых сейчас на глазах всего света сгоняет Михаил Горбачев. Но готов утверждать, что и это — всего лишь новая серия, новая страница в монотонной истории "открытых убийств" (по повести Ю. Даниэля "Говорит Москва"). И Горбачев, и Рыжков, и целая армия их новых соратников ничем не доказали, что они лучше прежних. Ведется все та же, прежняя игра, главное правило которой — "незаменимых нет". Разве что заново подтверждается, насколько неверно положение каждого, как бы высоко он ни забрался. Как-то само собою дисциплинарные мероприятия нового руководства стали называть "горбачевскими чистками" — по аналогии со сталинскими. Что нынешние — бескровны (почти — ведь кое-кого расстреливают), это, бесспорно, лучше. Но злорадствовать не приходится. Перед нами — все тот же разгул застарелого своеволия, новое проявление той правовой и нравственной дефективности, которая превращает "открытые убийства" в будничное явление" ("Синтаксис", №16, стр. 17).

"Нам очень хочется либерализации, и мы готовы находить ее знаки во всем, даже в

расстрелах за коррупцию", — замечает Александр Гинзбург (Р.М. 23.1.87).

А вот что говорит М. Геллер: "Будем объективны. Не Горбачев изобрел гласность. И даже не Хрущев, при котором употребляли гораздо более обещающее слово "искренность". Первым подлинным знатоком гласности был товарищ Сталин. Читая сегодня многочисленные критические статьи, разоблачающие чиновников, нельзя отделаться от чувства узнавания старых-старых знакомых. Генеральный секретарь ЦК КПСС дает научный ответ: образовался разрыв между материальным и сознательным. Приходится признать, что хотя это объяснение убедительно, его уже дал товарищ Сталин, сформулировав, естественно, гораздо красивее. Прочитывая Гегеля: "Сова Минервы вылетает только ночью", — Сталин объяснял: "Иначе говоря, сознание несколько отстает от фактов". Гениальный секретарь вспомнил Гегеля в мае 1930г., в тот самый момент, когда он принял решительные меры, чтобы сова Минервы летала круглые сутки: до сегодняшнего дня историки не могут сосчитать миллионы жертв ускорения "развития сознания"... Горбачев задал писателям прямой вопрос: "С кем вы, мастера культуры?". И писатели, кинематографисты, артисты и художники отвечают — почти — единодушно: с вами, Михаил Сергеевич! Соблазненные, они выражают готовность соблазнить других" ("А сила прежняя в соблазне", Р.М. 9.1.87).

В той же статье М. Геллер замечает, что "Давид Рязанов назвал некогда очень точно новую экономическую политику Ленина крестьянским Брестом" (Р.М. 9.1.87). Однако Рязанов ошибался — нэп не был поражением, поражением был военный коммунизм. Вот что рассказывает старая эсэрка Б.А. Бабина: "Если бы Ленин жил дольше, то обстоятельства сложились бы значительно лучше. Мой муж слышал речь Ленина о нэпе. Ленина спросили: Сколько времени будет существовать неп? — Сколько будет надо, чтобы страна вышла из тяжелого положения, — ответил Ленин, — может быть, даже пятьдесят лет... Но расхождение было не только в вопросе о Брестском мире. Оно, конечно, коренилось глубже, ибо к тому времени уже проявил себя тот самый порок системы, который вскоре привел к страшным последствиям, скромно именуемым теперь культом личности Сталина" ("Минувшее" №2, Париж, 1986, стр. 33, 386).

В "Стране и мире" №11, 1986, опубликовано выступление Горбачева перед писателями в июне 1986г., где он сказал: "О заседаниях Политбюро. Бывают столкновения, споры. Два-три года откладывали, теперь мы хотим действовать. На Западе пишут об аппарате, который сломал шею Хрущеву и который

сломает теперь шею новому руководству”.

В "Русской мысли" от 9.1.87 сообщается, что Юрий Любимов послал телеграмму Горбачеву, где указал, что он "был бы рад, если мое возвращение послужит началом разговора с эмиграцией". В.Максимов резонно замечает, что "мы далеки от мысли, что с нами будет дискутировать правительство, каждый из нас готов к разговору с теми, с кем когда-то мы вошли в прямое столкновение" (там же). Н.Горбаневская призывает ко всеобщей политической амнистии, включая узников психиатрических тюрем (там же).

Отвергая коммунистическую диктатуру как таковую и не имея намерения вступить с ней в переговоры, мы в виде пробы делаем следующие предложения по либерализации в СССР:

- отмена законов о трудовой дисциплине Андропова, законов о нетрудовых доходах и репрессивной части законов об алкоголизме, а также всех андроповских политических статей;

- полная амнистия по уголовным статьям, кроме лиц, опасных для общества (по образцу амнистии 1953г.);

- полная амнистия для всех должностных преступлений брежневской эры;

- установление пенсии всем бывшим заключенным, достигшим установленного возраста;

- полное разоблачение культа личности Сталина;

- уточнение в законе совпадающих политических статей 70 (7 лет) и 190 (3 года) в том смысле, что в первый раз к обвиняемому может применяться только ст. 190.

Нас упрекнули, что мы не требуем даже свободы для всех политических заключенных, но это как раз наше намерение: указать на то, что даже такое малое смягчение было бы уже либерализацией, но и его пока нет.

2. Волнения в эмиграции

20 июня 1986г. в "Русской мысли" появилось коллективное письмо об обстоятельствах увольнения Г.Владимова из журнала "Грани". Некоторые подробности конфликта были опубликованы в "Континенте" №№48 и 49.

Раскол диссидентской группы произвел эффект разорвавшейся бомбы. Система глухого замалчивания на этот раз не смогла сдержать острой информации. Появился "Вечерний звон", о материалах которого сообщалось в "Голосе зарубежья" №43. Конфликту "Грани" — Владимов посвятили статьи "Синтаксис" №16 и "Время и мы" №90.

Редакция "Вечернего звона" замечает, что "эмигрантский истаблишмент категорически пресекает инакомыслие. Неумение и нежела-

ние жить в условиях оппозиции, совдеповская привычка затыкания рта и шельмования оппонентов приводят к тем же результатам, что и в СССР. ("Вечерний звон" №3). Того же мнения держится один из читателей: "Вечерний звон" рассеял мое представление о самом себе, как о единственном нормальном человеке, выехавшем за пределы СССР" (там же). "Русская мысль" все же с этим не согласна: "Нам, здесь, где действительно можно все писать и обо всем писать"... (Н.Горбаневская, Р.М. 5.9.86).

Однако И.Шелковский по этому поводу спрашивает: "Почему бы, например, Вашей газете не устроить свободную дискуссию? Ведь в самых противоположных точках зрения может быть доля истины. Сейчас многих занимает вопрос: почему русские ссорятся? Позвольте мне дать на него такой ответ: не умеют выслушивать друг друга, отвечать на доводы, утрачена культура спора" (Р.М. 5.12.86).

В то же время сам И.Шелковский не ответил на обращение художников из Москвы с запретом пристегивать их имена "либо напрямую, либо контекстом к какой-то политической деятельности" ("Вечерний звон" №1).

Что касается дискуссии в "Русской мысли"; то вот один пример. Обозреватель газеты Г.Андреев, рассматривая статью М.Реймана "Сталин перед захватом власти" ("Время и мы" №83), замечает: "Скучную жизнь не следует изображать скучно. Объективности суждения мешает пристрастие Реймана к Троцкому, выглядящему в его статье значительно привлекательнее, чем другие вожди" (Р.М. 25.7.86). По нашему мнению, статья М.Реймана — уникальное исследование о самой секретной эпохе советской истории и читается с захватывающим интересом. Что же до Троцкого, то М.Рейман пишет следующее: "Троцкий нередко раздражал людей манерой поведения, повадками местечкового интеллигента. Ему никогда не удалось полностью усвоить культуры поведения, соответствующей его новому положению в обществе. Троцкий оставался неспособным к систематической аппаратной работе... Замысел Ленина заключался в том, чтобы разбив "тройку" (Сталин — Зиновьев — Каменев), вернуть правительству (и себе, как его председателю) прежнее значение в системе власти. Это же подтверждает стремление Ленина добиться назначения своим заместителем по Совнаркому политика с именем. Важной при этом была кандидатура Троцкого. Она давала Ленину возможность создать известный противовес "тройке". Усилия Ленина успеха не имели. Троцкий отказался. Он, видимо, не понял существа ленинского замысла... Это непонимание Троцким внутрипартийного по-

ложения не было у него единичным. Осенью 1924г. он умудрился не заметить уже начавшейся открытой борьбы между Сталиным и Зиновьевым с Каменевым, выступив с совершенно несвоевременной статьей "Уроки Октября". Тем самым он сорвал наметившийся сговор против Сталина. Сходная ситуация повторилась в конце 1925г. Троцкий, якобы демонстративно занимаясь на заседаниях Политбюро чтением французских романов, оказался настолько неподготовленным к выступлению на XIV съезде "Новой оппозиции", что его лишь с трудом удалось удержать от открытого выступления против нее... Троцкий, получивший от Ленина предложение защищать на пленуме ЦК их совместную позицию по национальному вопросу... отказался, а затем пошел на "гнилой компромисс", согласившись в обмен на словесные уступки не требовать смещения Сталина".

В возникший прорыв в эмигрантской прессе вырвалась и израильская тема. Вот что пишет в "Вечернем звоне" М.Юрьев из Иерусалима (известный ранее автор журнала "22"): "В последние годы эмигрантская печать буквально затоплена израильским агитпропом, изготовленным бывшими советскими публицистами, газетчиками и просто жуликами; пронзительно-хвалебные рецензии на пропагандистские издания, выпускаемые Еврейским Агентством, выглядят в российских журналах вполне безумно, однако привычно; графоманствующие фашисты, фашиствующие графоманы, впавшие в военно-полицейскую разновидность иудаизма стукачи и алканавты, христофобы, двинутые русоморы, — которым в израильских изданиях на русском языке не всегда находится место! — все это непрерывно публикуется в парижской и северо-американской российской периодике. Помещение поступающего из Израиля матерьяльца — многими почитается наилучшей гарантией от обвинений в антисемитизме: "Смотри, мол, Ванька! — ежели не опубликуешь, тотчас прослывешь ненавистником нашего многострадального народа и первого в мире государства победившего сионизма!" Хитрость в том, что национально-комсомольские авторы, "борцы за выезд", "рядовые патриоты" — в самом Израиле ни малейшим авторитетом не пользуются, лишены какой-либо поддержки — в чем легко может убедиться всякий редактор-издатель; ему обеспечена полнейшая безнаказанность, если он осмелится отвергнуть тот или иной труд израильского литпирата. Ни хрена не произойдет! — проверьте". ("Вечерний звон" №9).

А вот и готовый пример. С.Черток*, напечатавший в СССР 2000 статей, с умилени-

* В "Новом Русском Слове" тот же автор именует себя Ш. Черток. (Прим. ред.)

ем пишет в "Русской мысли", что голландский пастор Ван дер Ховен, работающий в Иерусалиме, заявляет: "У верующих христиан есть важная причина отстаивать неделимость Израиля. Я доверяю не политикам, а Библии, а там не написано, что евреям завещана половина территории Израиля, или береговая полоса и кусочек пустыни, как значится в резолюции ООН, которая для меня неавторитетна. Но и еврейский народ должен проникнуться духом Книги Книг: Господь обещал и велел жить в Израиле не части евреев, а как я понимаю, всем. В том числе и тем, кто томится сегодня в Советском Союзе" (Р.М. 19.12.86). Как видно, Ван дер Ховена не учили в свое время, что религию не обращают в политику, а "Священное Писание очень глубоко и очень трудно" (В.Пирожкова, "Новый журнал" №119). Вероятно, именно исходя из плоского толкования Библии, Кальвин сжег на медленном огне Мигеля Сервета. С другой стороны, Ван дер Ховену следовало бы свои требования о переезде в Израиль адресовать не советским евреям, а голландским; боюсь, однако, что там это расценили бы как неонацизм. От себя С.Черток с отменной пропагандой добавляет: "Рождество здесь празднуют, каждый молится когда и как хочет". А тем временем "писателя М.Федотова, родившегося от еврейки-матери, в Израильский союз русскоязычных писателей не принимают, потому что христианин" ("Вечерний звон" №4).

Израэль Шамир в "Синтаксисе" №15 лихо взялся поучать третью волну. Рассуждения его о сталинизме ведутся с точки зрения его отца, который "стоял в 1940г. на новой границе между Советской и Германской империями, благоразумно выбрал сталинскую Цициллу и отделался пятью годами Озерлага"... Что же, г-н Шамир, число жертв у Гитлера и Сталина равно — по 50млн. жертв у каждого (см. расчеты Максудова и Дядькина и словарь Larousse). Жорж Нива цитирует Альберта Бенина, который в 1949г. писал: "Сравнение этих двух полицейских государств может доказать, что советский режим, более чем гитлеровский, преуспел в избавлении от последних остатков христианства" ("Внутренние противоречия" №16, 1986, стр. 189).

Подтасовки И.Шамира в указанной статье бьют в глаза, пожалуй в СССР в интеллигентное общество его бы не приняли. Вот он пишет: "Цензура субсидируемой русской прессы и господствующего русского радио в Израиле сделала бы честь Жданову: эти органы выдают чистую пропаганду и апологетику традиционного сионизма, и любой шаг в сторону рассматривается там, как побег. И тут этот жестокий тоталитаризм русской общины резко противоречит куда более демократическим обычаям Израиля в целом".

Как ни странно, И.Шамир обвиняет в тоталитаризме русских евреев, а не инстанции, субсидирующие оную прессу.

С гордостью халуца (первооткрывателя) И.Шамир цитирует Джойса: "Мне говорят — умри за Ирландию. Пусть Ирландия умрет за меня". Но сказать то же в применении к Израилю И.Шамир, конечно, остерегается. Далее наш героический автор хвастается, что он подал в прокуратуру на сторонников Кахана; ну, тут храбрость невелика — власти предержавшие ему только спасибо сказали. Во всем опусе И.Шамир не нашел нужным подвергнуть критике режим абсорбции советских иммигрантов в Израиле, описанный, в частности, в книгах Г.Свирского, Ю.Нудельмана и Д.Антонова (Бройде-Трэппера). Знакомый тоталитарный метод — кричать о "язвах капитализма", тщательно скрывая свои лагеря.

Б.Шрагин в "Синтаксисе" №15 в статье "Похвала полемике" пишет очень правильно: "Основная жизнь журнала всегда в критике и полемике... Итак, друзья, к барьеру!" К сожалению, эта мысль в самом "Синтаксисе" не осуществляется. Журнал не публикует возражений, напротив, он сам себя цензурирует. Вот статья А.Синявского "Диссидентство как

личный опыт" в том же №15 за 1986г. Станным образом журнал скрывает, что статья была опубликована в "Русской мысли" от 18—25.2.82г. и что она представляет выступление на симпозиуме в университете штата Индиана под председательством Жоржа Нива. К чему же было ждать 4 года, чтобы напечатать статью в "Синтаксисе", почему давно не открыли дискуссии по ней? Да что, вот у меня в руках самиздатская статья А.Синявского "Чтение в сердцах" — ответ "Вестнику РХД" — и тоже распространяется в списках, но в "Синтаксисе" не публикуется.

1 октября 1986г. вышел №21 "Обозрения", к нашему изумлению, последний: "По причинам, не зависящим от нас, издание журнала прекращается", — пишет редактор А.Некрич. Очень жаль; передовые самого редактора были, правда, чистой пропагандой; но на страницах журнала было опубликовано множество замечательных статей западных ученых; с некоторыми мы соглашались, некоторые резко критиковали. Правда, редакция "Обозрения" не отзывалась и хранила гордое молчание. Но нам жаль, что закрылась возможность встречи идей — западных и эмигрантских.

Михайло МИХАЙЛОВ

МЫСЛЬ НА ЗАМКЕ

В советских газетах постоянно появляются статьи, описывающие попытки иностранных туристов провезти контрабандой в Советский Союз недозволенную литературу, чаще всего религиозную. "Правда Востока" от 23-го июля в статье, озаглавленной "Вопреки доброй воле"¹, возмущенно повествует о том, как группа американских туристов в Узбекистане пыталась передавать советским гражданам "Новый Завет" и другие религиозные тексты. Сознательные граждане, — пишет газета, — немедленно докладывали соответствующим органам власти об этой зловерной провокации заморских посетителей. Нередко в советской печати можно прочесть хвалебные статьи, описывающие работу бравых пограничников, успешно изымающих контрабандную литературу, опять-таки чаще всего — религиозную, в аэропортах или в других пограничных пунктах.

Влияние на мышление людей книг, идей, теорий далеко от того, чтобы быть однозначным, как это кажется всем тем, кто вводит духовную цензуру. Эта неопределенность влияния еще усложняется благодаря запрету. Вспоминаются мне слова двух известных югославов: Милована Джиласа, бывшего более двадцати лет убежденным коммунистом и одним из лидеров КПЮ, а впоследствии ставшим первым крупным диссидентом в

Восточной Европе, и отца Юстина Поповича, крупнейшего богослова Сербской православной церкви, ныне покойного. В начале семидесятых годов я часто встречался с Джиласом в Белграде, и как-то в разговоре он сказал, что в юности он стал коммунистом под влиянием романов Достоевского, впрочем как и многие его партийные товарищи-черногорцы, студенты Белградского университета. В те самые годы я несколько раз ездил в монастырь Челие, в котором жил и работал отец Юстин, и вот он, в разговоре о положении верующих в СССР, высказал такую мысль: что, дескать, до тех пор, пока там печатают книги Достоевского, не так уж страшно, что невозможно достать "Новый и Ветхий Завет", так как даже одно чтение романов Достоевского приводит к христианству.

Как видим, влияние одних и тех же книг отнюдь не однозначно.²

Сталин (впрочем, как и Ленин), очевидно, согласился бы с мнением и опытом Юстина Поповича, а не с Джиласом. С начала 30-х годов и все время до XX съезда КПСС в 1956-м г. Достоевского в Советском Союзе почти что не печатали, а в школьном учебнике по литературе ему отводилось полторы страницы, в то время как Некрасову или Горькому по 50.³

Последствия идеологической цензуры, которую свыше полувека проводит бдительная советская власть, могут быть самыми неожиданными. Я не буду говорить о правовых аспектах цензуры и о нарушении со стороны СССР всевозможных международных договоров и конвенций, начиная с Всеобщей декларации прав человека ООН и кончая Хельсинкскими соглашениями. Все это более или менее известно и является неизбежной темой многих международных конференций и мировой прессы.

То, над чем, по моему мнению, стоит задуматься, это духовно-психологические корни стремления закрыть людям свободный доступ ко всякой неподцензурной книге, мысли, идее. Существует такое советское выражение — "граница на замке". Это выражение советская печать употребляет для описания надежной охранности границ СССР, через которые, дескать, не может проникнуть никакой злоумышленник и диверсант. Нет никакого сомнения, что в глазах советской власти — книга, газета, мысль, идея, теория, картина, молитвенник, стихотворение и тому подобное — тоже представляют собой возможного злоумышленника и врага. Так возникло выражение "идеологическая диверсия", логически ведущее к выражению "мысль на замке". То, что особенно поражает в случае советской цензуры, это полнейшее отсутствие стыда, то есть чувства, которое появляется в людях при публичном исполнении какого-нибудь аморального и неэтического акта. Советские власти даже не скрывают, что они всеми силами препятствуют своим гражданам свободно ознакомиться с идеями и мыслями, по словам советских газет, "чуждыми советскому народу". Советское руководство не скрывает, что держит "мысль на замке", хотя и называет это "идеологической борьбой". Кстати, идеологическая борьба возможна только там, где существует плюрализм идей.

Действия советских пограничников и карательных органов, изымающих недозволенную литературу у иностранцев и советских граждан, не имеют ничего общего с идеологической борьбой. В конце XX века, в цивилизованном мире, все это выглядит совершенно немислимо — тем более, что еще живо воспоминание о публичном сжигании книг в гитлеровской Германии, также в порядке, якобы, идеологической борьбы. Когда сжигают или изымают книги, борьба идет не против каких-либо идей, а против одной-единственной идеи — **идеи свободы человека**, свободы каждому самому решать: что читать, как думать, чем жить.

Конечно, в истории человечества борьба с книгами, то есть со свободой человека, велась многими фанатичными и нетерпимыми

религиозными и политическими движениями и государствами. Классическим обоснованием борьбы против духовной свободы со стороны людей, ослепленных фанатизмом, является слова калифа Омара, спалившего знаменитую и богатейшую Александрийскую библиотеку после захвата города в 18-ом столетии: "Если в этих книгах написано то же самое, что и в Коране, то они не нужны. Если же в них написано что-либо другое, то они вредны".

В Западной Европе, после нескольких веков борьбы, противоборство инквизиции и идеи свободы окончилось победой свободы. Однако само зарождение национал-социализма и фашизма показало, что победа не была окончательной и что борьба за свободу никогда не закончится. Тем не менее даже Карл Маркс, философия которого создала идейные предпосылки для коммунистического тоталитаризма, недвусмысленно высказался за полную свободу печати. Его статьи против цензуры, напечатанные в бытность его редактором "Новой Рейнской Газеты", все еще являются классической защитой полной свободы прессы, и хочется надеяться, что раньше или позже они сыграют положительную роль в раскрепощении советского общества⁴. Ленин, уничтоживший свободу печати в России, оправдывался тем, что это лишь временная мера, пока не укрепилась советская власть. Начиная со Сталина эта, якобы "временная мера", которой соратники Ленина отнюдь не гордились⁵, стала признанной нормой советского общества. С маленькими колебаниями такое положение продлилось до наших дней.

На Западе развитие шло в противоположном направлении, то есть в XX столетии, со временными отступлениями, свобода печати все увеличивалась, и в большинстве стран Западной Европы, а также и в Соединенных Штатах в настоящее время эта свобода практически безгранична. Некоторые наблюдатели даже считают, что ее следовало бы ограничить, хотя бы в сфере порнографии. Однако в идеологически-политической сфере никому и в голову не приходит требовать запрещения продажи книг Маркса, Ленина, Троцкого, Бухарина, Мао или Сталина. Конечно же, никому и в голову не приходило запрещать в Америке программное произведение Гитлера "Майн Кампф" — "Мою борьбу", даже во времена Второй мировой войны⁶. В Советском Союзе даже в наше время нет никакой возможности прочесть не только книгу Гитлера, но и произведения ближайших соратников Ленина. Недавно в Европе и США стали переводить газету "Правда" целиком, так что желающие могут ее читать с начала до конца, не зная русского языка. Можно ли себе представить "Нью-Йорк Таймс" переведенный на русский язык и свободно продающийся в газетных киосках

Советского Союза?

Однако последствия полувекового усилия держать "мысль на замке", как это я сказал вначале, могут быть самыми неожиданными. Дело в том, что полностью поработить мысль просто невозможно. Человек только тем и отличается от всей остальной живой твари, что он мыслит, то есть что духом, идеей может преодолеть самоочевидную реальность, включая реальность несвободы и порабощения. Цензура направлена не против определенных мыслей и идей, а против самой мысли в человеке. Победа над мыслью, победа несвободы была бы равнозначна смерти человека. Вот этому-то каждый из нас сопротивляется изо всех сил. И результат попытки держать "мысль на замке" обыкновенно прямо противоположен желаемому, чего ослепленные силы несвободы не осознают.

Ведь стоит вдуматься в тот факт, что большинство самых радикальных теоретиков атеизма и критиков Католической церкви в 18 и 19 столетиях во Франции, самые радикальные деятели революции, вышли из католических семинарий, в которых в те времена господствовал дух цензуры и духовной несвободы.

Стоит вдуматься в тот факт, что Феликс Дзержинский и Иосиф Сталин стали большевиками, хотя в юности учились в духовных семинариях и значит полностью были подвержены религиозным влияниям¹. А с другой стороны, — поголовно все многочисленные советские диссиденты с малых лет были

воспитаны исключительно на марксистско-ленинском учении. Не потому ли они стали его противниками? И разве не заслуживает внимания тот факт, что, хотя американские и английские солдаты свободно могли читать Гитлера, отчего-то неизвестно об американцах и англичанах, воевавших на немецкой стороне. В то же время, несмотря на полнейшую "мысль на замке" сталинского времени, масса советских военнопленных взяла оружие в руки для того, чтобы воевать против советской власти, даже на стороне Гитлера.

Да, стоило бы подумать советским руководителям — есть ли смысл пытаться держать "мысль на замке", да и границу на замке. Последствия этого могут быть совершенно непредвиденные.

¹Олег Якубов. "Вопреки доброй воле", *Правда Востока* 23 июля 1986.

²Я знала немца, ставшего верующим католиком под влиянием книги А. Розенберга "Миф XX столетия", яро нападающей на католическую церковь. В. П.

³Хотя в учебнике и был Достоевский, мы его в школе не изучали. В. П.

⁴Можно надеяться на кого угодно, но не на Маркса. Он ведь писал против цензуры, направленной против его писаний, а не против цензуры, которую ввел бы он сам, захватив власть. — *Прим. ред.*

⁵Какие соратники?! — *Прим. ред.*

⁶Но в Западной Германии эти книги запрещены. — *Прим. ред.*

⁷Дзержинский не учился в духовной семинарии, он только думал об этом, но его духовник отговорил его, т. к. он был слишком фанатичен. — *Прим. ред.*

В. ПИРОЖКОВА

ИСТИНА И ПРОПАГАНДА

Выехавшие или бежавшие недавно из СССР пользуются в эмиграции большим почетом, что справедливо, если относится к перенесенному ими, выстраданному или проявленному при бегстве мужеству. Однако совершенно несправедливо переносить то же самое почтение на мысли, ими высказываемые. Их следует принимать, отвергать или критиковать совершенно так же, как и мысли любого другого человека. Перенесенные испытания не дают никакого права на монополию политического мышления. Самое плохое при этом то, что эмигранты, благоговейно слушающие таких людей и не решающиеся им возразить, утверждают их в их уверенности, что они уже все знают и все понимают и что на Западе им нечему научиться, и тем самым обманывают этих людей. Между тем, многие из них не имеют элементарных понятий о политических категориях и толкуют их вкривь и вкось.

Вот, например, любимец правого крыла эмиграции и постоянный оратор на Днях непримиримости на Западном побережье США

Ю. Ветохин в своем последнем выступлении сказал, между прочим, следующее: "Например, в июле с. г. сенатор Кеннеди высказал на ТВ свое кредо, что свобода — это прежде всего абсолютное отделение церкви от государства. Считает ли мистер Кеннеди, что в СССР, где церковь полностью отделена от государства, существует свобода?" ("Русская жизнь" от 6 ноября 1986 г.)

Прежде всего, чтобы предотвратить возможные недоразумения, мы подчеркиваем, что мы не намерены ни выступать в защиту весьма несимпатичного сенатора Кеннеди, ни решать вопрос, правильно ли отделение церкви от государства или нет. Мы хотим лишь уточнить термины.

Ю. Ветохин провозгласил совершенно необыкновенное "откровение", которое ни в какой мере не соответствует действительности, когда он, к изумлению всех знающих советскую действительность, заявил, что в СССР "церковь полностью отделена от государства". Да где он это слышал? Кто рассказал ему эту несурезицу? Разве он

никогда не слышал о том, в каких жестоких тисках держит богоборческое государство несчастную церковь в СССР? Или Ю.Ветохин хочет уверить нас, что церковь, ее служители, могут проповедовать, где и когда они хотят? Или она может, собрав соответствующие средства, печатать и распространять Библию, сколько она хочет и сколько найдется покупателей? Или издавать богословские книги и продавать их тем, кто ими заинтересуется? Ведь все это относится к отделению церкви от государства. Если церковь отделена от государства, то государство не имеет права вмешиваться в дела церкви. Что ж, Ю.Ветохин станет утверждать, что советское государство в СССР не вмешивается в дела церкви?! Заглядывал ли Ю.Ветохин когда-нибудь в единственный разрешенный, хотя и не распространяемый в широкой публике, журнал церкви, "Журнал Московской Патриархии"? Иные номера больше чем на половину заполнены советской пропагандой, т.е. тем самым государством, от которого, по утверждению Ветохина, церковь в СССР отделена, и уж, конечно, эта советская пропаганда печатается в этом журнале не по добровольному желанию церкви. Или Ю.Ветохин никогда не слышал об арестованных и помещенных в лагерь священниках только за то, что они попробовали немного смелее, чем другие, проповедовать слово Божие? Скажем, об о. Глебе Якунине? Церковь в СССР не полностью отделена, а полностью подчинена богоборческому государству. Она связана по рукам и по ногам. Утверждение, что в СССР церковь "полностью отделена от государства", так же чудовищно, как было бы утверждение, что раб полностью отделен от рабовладельца, которому он принадлежит. Сердце болит за несчастную церковь, о которой утверждаются такие вещи.

Но неужели в редакции "Русской Жизни" не нашлось ни одного человека, который бы вступился за закабаленную церковь? Который хоть в комментарии или даже пусть в примечании возразил бы Ветохину на его невероятное утверждение? Как мы можем бороться за освобождение России, если многие из нас даже рабское, полностью подчиненное государству положение несчастной церкви принимают за... ее отделение от государства!

Политическая неграмотность, которую Ю.Ветохин проявляет в дальнейшем в своей речи, уже не возмущает так, как полностью искаженное описание положения церкви в СССР. Эта дальнейшая неграмотность скорее смешит. Но тем не менее и она должна быть отмечена. Ю.Ветохин утверждает тезис демократии: "большинство всегда право"; все, что нравится большинству, то и объективно хорошо и правильно. Затем Ю.Ветохин ломится в открытую дверь, показывая, что в

иных случаях большинство ошибалось.

Мы опять-таки хотим подчеркнуть, что мы в этой статье не выступаем ни за демократию, ни против нее. Мы просто хотим пояснить понятие. Нельзя быть за что-то или против чего-то, не зная, что же это самое на самом деле собой представляет.

Никогда в демократии не считалось, что большинство всегда право. Демократия покоится на убеждении, что никто не знает с абсолютной точностью, что в данный момент для данной страны лучше.

Никто не может доказать, что именно тот путь для страны, который предлагает этот человек, эта группа или эта партия, является наилучшим. Поэтому эти возможности предлагаются на суд народа, который своим большинством выбирает тот или иной путь. Каждый серьезный демократ понимает, что путь, избранный большинством, может быть ошибочным. Но и путь, который предлагало меньшинство, тоже мог оказаться ошибочным. Ни человек, ни человеческое общество не совершенны, а потому каждый избранный путь может оказаться ошибочным. Сторонники демократии надеются, что за легислатурный период, который в разных странах различен (4, 5 или даже 7 лет), станет видно, был ли избранный путь хотя бы приблизительно правильным и, если он им не был, то данный парламент, данного президента, данное правительство можно переизбрать и поручить другим людям, другим группам и другим партиям вести страну по иному пути. Такова идея демократии, а практика во всех системах далеко отстает от идеи. Идея же покоится именно на понимании несовершенства человека и его общества, большинства или меньшинства. Отсюда и защита меньшинства в демократии, именно из понимания, что большинство вполне может ошибаться, а меньшинство может оказаться правым. Но нет критерия, который бы дал возможность это вперед установить.

Поэтому в каждой конституции записаны так называемые естественные права человека, которые никакое большинство в парламенте отменить не может. В иных конституциях при этом ссылаются на Бога, в иных нет, что прискорбно, т.к. эти так называемые "естественные права" произошли совсем не "естественным" путем, а проистекают из того, что Господь сотворил человека по Своему образу и подобию.

Ю.Ветохин в своей книге проповедует новую диктатуру, но в своем докладе он меняет концепцию будущего и говорит о "монархии и авторитарном режиме, опирающемся на церковь". Что сие значит? Монархия нам приемлема, но что значит "и авторитарный режим"? Может быть, "или авторитарный режим"? Или Ю.Ветохин считает, что к

монархии надо приставить какой-то авторитарный режим? Нечто вроде диктатуры Муссолини при итальянском короле? Но мы знаем, что они не ужились, и королю удалось свергнуть диктатуру Муссолини, а пока Муссолини был диктатором, король фактически власти не имел.

Ю.Ветохин выступает также против законов и заявляет, что прежде Государь и суды страны руководствовались своей религиозной совестью. Можно подумать, что при монархиях не было законов, а каждый судья был святым, который по своей религиозной интуиции, без всяких законов, выносил справедливые приговоры. Непонятно, как серьезные люди слушают эти сказки и не возражают! Мы бы не стали отвечать Ю.Ветохину, если б его доклады не печатались без комментария в солидной русской газете. Даже и сами государи, увы, далеко не всегда руководствовались своей религиозной совестью, опирающейся на церковь. Или ею руководствовался Иоанн Грозный, повелевая Малюте задушить митрополита Филиппа? Или Петр Первый, уничтожая патриархат и обезглавливая церковь? Это только два примера из бесчисленного количества в истории как русских, так и иностранных монархий.

Каждый настоящий монархист знает, что и монархи могут ошибаться и даже творить злое. Идея та, что и ошибки, и даже злое приходится терпеть, если нельзя повлиять на монарха, т.к. и это может входить в план Божий как наказание. Если монарх неправ, можно стараться на него повлиять, но восставать и свергать его все же нельзя. Надо терпеть возложенное на народ Господом. Такова идея монархии. Но что многочисленные подданные на разных административных постах и в судах без свода законов натворили бы невесть что, это ясно каждому разумному человеку. Поэтому, вопреки мнению Ю.Ветохина, каждая монархия имела свод законов. Беззаконных монархий мы в истории не знаем.

А то, что монархия может вырождаться в тиранию, знал еще Аристотель. Все в нашем мире несовершенно, и все может вырождаться в ту или иную сторону.

Мы рассмотрели политические нелепости, так сказать, справа. Мы не можем все это считать настоящим правым направлением, но Ю.Ветохин сам себя, кажется, считает правым, и его по ошибке принимают и другие за такового.

Теперь посмотрим на политические нелепости слева. Перед нами интервью Юрия Орлова, напечатанное — тоже без комментария — в другой солидной газете, "Русской Мысли" — от 31 окт. 1986 г. Перед нами другой герой, высказывания которого критиковать нельзя. Когда, наконец, вся эмиграция поймет, что

личное мужество и даже перенесенные страдания не дают безошибочности мысли и что высказанные мысли всегда можно обсуждать и критиковать, нисколько не умаляя ни личного мужества, ни страданий того, кто эти мысли высказывает.

Как, например, расценить такую фразу Орлова: "Если бы вдруг Господь Бог "спустил" нам капитализм, это было бы национальным унижением". Что это за глупое кощунство! Господь Бог не "спускает" никакой готовой хозяйственной или социальной системы, но если б Он что-либо "спустил" какому бы то ни было народу, то народ должен был бы только радоваться и благодарить Создателя. Ни для какого народа не может быть национальным унижением то, что ему дает Господь.

Но оставим в стороне глупое кощунство. И в предыдущей фразе Орлов заявляет, что "капитализм" был бы унижением для русского народа. Да что он понимает под "капитализмом"? Это — просто затхлая, давно устаревшая марксистская терминология, которую Орлов и в других местах мусолит. Раннего капитализма, носившего действительно жесткие черты, того капитализма, который изучал Маркс в Англии, давно нигде нет, а в иных странах, в том числе и в России, никогда не было. Там очень рано появилось социальное законодательство. Теперь же оно есть везде. В Западной Германии, например, существует социальное рыночное хозяйство, а вовсе не капитализм в марксистском смысле. Неужели Орлов думает, что дух предпринимательства, личная инициатива в хозяйстве — это унижение для народа? Нет, лишение всего этого — унижение для народа, который не может развернуть своих сил.

Орлов предлагает все тот же социализм, с привеском "демократический". Но так же, как он не конкретизирует, что он подразумевает под "капитализмом", он не объясняет, что он понимает под социализмом. Социализм подразумевает государственную или общественную собственность на средства производства. Но мы знаем на опыте, что социализм нигде добровольно не функционирует; не функционирует ни модель СССР, ни модель Югославии. Социализм держится только на диктатуре и потому демократическим никогда не может быть и нигде не был. "Демократический социализм" — это все равно, что "горячий снег". Если ввести настоящую демократию, настоящую свободу, то социализм скоро растает, как снег на солнце, т.к. люди, вопреки утверждениям Орлова, стремятся к свободе, к личной инициативе, к возможности что-то создавать так же, и даже прежде всего, на попрание хозяйства.

Правда, и Ю.Орлов говорит о необходимости более свободных действий в области

хозяйства, но это должны быть не собственники, а просто директора или в крайнем случае арендаторы — у того же всемогущего государства! А оно опять начнет ставить все более жесткие нормы, т.к. это просто лежит в природе государства-капиталиста и монополиста.

Ю. Орлов, видимо, чувствует, что при настоящей свободе все это долго бы не удержалось. Сначала он говорит: "Я хотел бы, чтобы была легальная оппозиция любого рода, любого, кроме фашистского". Согласимся с этим. Но тут же он впадает в противоречие с первой фразой: "Я говорю об оппозиции социал-демократического типа, которую поддерживали бы массы, я думаю, что для рабочих это была бы самая понятная оппозиция. Или даже коммунистическая, типа, скажем, итальянской компартии. Это тоже было бы встречено с пониманием".

Вот и докатились: тех же щей, да пожиже влей! Или Ю. Орлов не понимает, что итальянская компартия старается делать вид, что она — несколько другая, т.к. она, с одной стороны, еще не у власти, с другой же — настолько многочисленна, что у нее не раз возникали надежды прийти к власти демократическим путем. Вот ей и надо придавать себе демократический вид. А какой она стала бы, если б ей удалось прийти к власти? Ведь все они до прихода к власти были такими, и польская компартия, и чехословацкая. Пусть бы Ю. Орлов почитал обещания Берута или Готвальда до их прихода к власти! Никакой оппозиции к КПСС итальянская компартия или компартия ее типа представлять собой не может. Никогда и нигде компартии не действовали иначе чем в России, если они получали власть. Социал-демократы же до сих пор управляли в рамках того же самого социального рыночного хозяйства, которое Ю. Орлов, видимо, называет "капитализмом" и отрицает. Но они всюду создавали огромнейшие государственные долги и безработицу и им на смену приходили партии, которые Ю. Орлов называет "буржуазными", и начинали починять, что можно было починить.

Но главное-то заключается в ограничениях Ю. Орлова. Едва он сказал, что хотел бы любой оппозиции, кроме фашистской, как тут же заявляет, что оппозиция может быть только социал-демократической или даже коммунистической, — последнее сводит самую мысль об оппозиции на нет. По мнению Орлова, только это народ поймет.

Мы же спросим его, отчего он так заботится о том, что поймет народ и чего не поймет? Фактически он предписывает рабочим и "темным" (по его мнению) крестьянам, что они должны понимать и чего понимать не должны. Так же, как и Ю. Ветехин, хотя и с другим знаком, он хочет взять опеку над

народом. А что если б все эти люди перестали, наконец, говорить за народ и дали бы ему право разобраться самому? По мнению Ю. Орлова, народ не поймет партий "буржуазного" типа и, уж конечно, не поймет каких-либо других движений, скажем, монархического движения. Ну, если так будет, то тем хуже для этих партий или этого движения. Чего Орлов-то об этом беспокоится? Если была бы дана настоящая свобода, то стало бы видно, кого народ понимает, а кого нет, кого он принимает, а кого отвергает. Чего же об этом вперед заботиться? Надо каждой идее дать шанс.

Мы подозреваем, что Ю. Орлов так старательно пытается внушить нам, что народ поймет только социалистов или даже только коммунистов (на первых выборах, по его мнению, даже победит КПСС, — ясно если альтернативой будет только другая коммунистическая партия, по существу ничем от нее не отличающаяся, из чего же выбирать?), — что он на самом деле в глубине души обеспокоен тем, что при действительной свободе народ отвернется не только от коммунизма, но и от его любимого социализма.

Конец его интервью дает ясное на это указание: "Я уверен, что Горбачев думает об интересах страны. Думает". Вот мы и докатились до горбачевщины, до пропаганды "хороших коммунистических вождей", которые, мол, сами уничтожат коммунистическую систему. Горбачев, думает Орлов, еще немного подвинет, но за ним придут другие и своими руками уничтожат свою власть. Короли, мол, отказывались от власти. говорит Ю. Орлов, так вот и коммунисты сами откажутся от власти. Короли-то, может быть, а вот насчет коммунистов что-то мало вероятно. Увы, Ю. Орлов кончил примитивной советской пропагандой, и стало понятно, зачем ему нужно было приписывать все тому же несчастному народу коммунистические склонности, тогда как на самом деле большинство этого народа хотело бы только одного: сбросить с себя это страшное иго, убивающее страну уже почти 70 лет.

Эту горбачевскую пропаганду мы считаем в высшей степени опасной. Она создает очередную иллюзию, чтобы дать советской власти передышку и новую помощь Запада, которую она использует против него же. Уже звучат такие голоса, как Льва Копелева, что, мол, Горбачеву нужно помочь, что его во всем надо поддерживать. В эту же дудку, увы, дует и Ю. Орлов. И, опять-таки, мы так подробно остановились на этом интервью потому, что его без комментария и возражения напечатала "Русская Мысль". Что делается с эмигрантской прессой?

Д. ШТУРМАН

ОДИН ДЕНЬ У ТЕЛЕЭКРАНА

Что происходит в СССР?

Сколько раз эмиграция задавала себе этот вопрос? Вопрос не риторический, на который не ждешь отклика ни от себя, ни от других, а произносишь его как восклицание, только подчеркивая вопросительной интонацией невозможность ответа. Вопрос и не академический, какой задают себе, своим слушателям и читателям западные советологи: для них это нечто происходящее в одной из сотни с лишним изучаемых их научными центрами стран. Они не чувствуют в большинстве своем (исключения есть), что от происходящего и предстоящего в СССР зависит в огромной степени судьба человечества, а значит, и их судьба. Для эмиграции, не разорвавшей духовно со своим прошлым, это вопрос конкретный, первостепенной важности. Сколько раз он уже возникал за почти семьдесят лет в эмигрантской прессе? Сколько раз начинало казаться, что все меняется, что СССР медленно превращается в нормальное открытое государство, откуда можно будет уехать и куда можно будет вернуться, не делая этого шага необратимым, как смерть? Все те же долгие годы, что и эмиграция, но еще острее — сколько раз задавала себе и переживала этот вопрос внутренняя, не слившаяся с режимом духовно часть населения? Вопреки безнадежным суждениям о полном отсутствии в стране нелояльных к режиму сил, они все-таки есть и никогда не исчезали полностью, хотя в большинстве своем, за сравнительно многочисленными исключениями, существуют в пассивной и скрытой форме.

Позволим себе некоторую упрощающую схематизацию возникшей за семьдесят лет картины. Структура распределения инициативы и власти в СССР подобна конусу. Речь идет обо всех основных видах социального функционирования: политика, идеология, экономика. В определенные периоды конус бывал полным или почти полным: какое-то время — при Ленине, долгие годы — при Сталине, в существенной мере — несколько лет — при Хрущеве. На вершине стоял или пытался стоять один человек. После смерти Сталина конус власти на короткое время стал усеченным: на его верхнем основании находилась очень узкая олигархия. В остальном полномочия и привилегии распределялись иерархически. После свержения Хрущева конус власти стал снова усеченным. Повторяю: это — упрощение, во многих отношениях близкое к истине. Но не во всех. Реальные человеческие взаимоотношения в стране гораздо сложнее, чем представлено этой наиболее общей схемой. И далеко не всех своих,

даже центральных, целей, власть смогла добиться.

Система обрела гигантский военный и репрессивный потенциал. Но анекдоты, неконтролируемая, несмотря на бессонный сыск и доносительство, — на всех ступенях — молва, Самиздат, эмигрантская пресса и литература, работы квалифицированной и добросовестной части советологов свободного мира, чем ближе к нашим дням, тем наглядней, свидетельствовали: созидательный потенциал системы крайне низок: ее пропитывают противоречащие ее законам экономические связи и корруптивно-спекулянтские взаимоотношения; официально господствующая в системе идеология частью превратилась в риторическую фикцию, оставив на своем месте зияющие духовные и мировоззренческие пустоты, частью вытеснена другими мировоззрениями. Росло ли в обществе понимание этой ситуации? Росло, и потому в годы, когда верховную власть олицетворяли один за другим три полутрупа: Брежнев, Андропов и Черненко, — учащались репрессии, ужесточалось положение в местах заключения, расширялась чудовищная практика заключения инакомыслящих в психзастенки и применения к ним разрушительных для здорового организма фармакологических средств. Основная масса населения, прошедшего за почти семьдесят лет сквозь несколько мясорубок террора, оставалась инертной, внешне приняв правила словесной игры, а на деле живя двойственной жизнью всей системы (показуха по месту службы, незаконные подработки, незаконные экономические связи и т. п.). Кто захотел, смог и успел (преимущественно евреи, немцы, армяне; остальные — в немногих случаях), рванулись в приоткрытую власть (по трудно постижимому капризу) на какое-то время селективную эмиграцию, третью по счету за послеоктябрьский период. Участились случаи невозвращенчества из-за границы — от дипломатов и видных деятелей КГБ и ГРУ до режиссеров, музыкантов и звезд балета. Кое-кого из неугодных ей лиц власть изгоняла и сама. Во внешней политике продолжалась откровенная и прикровенная физическая и мировоззренческая экспансия — от циничной войны в Афганистане до выступлений советских журналистов, дипломатов и прочей агентуры влияния разных рангов по западному телевидению и в западных школах. На июньском, 1983 года, пленуме ЦК КПСС Андропов так и сказал, что "идет борьба за миллиарды умов и сердец" на планете. Забегая вперед, замечу, что в этом отношении ничего пока что не изменилось. Разве что эта борьба стала энергичней и успешней благодаря

принявшей несколько иной, чем при Андропове, облик внутренней ситуации в СССР.

Что же происходит там сегодня?

Не молодой, но еще не вышедший из активно дееспособного возраста и состояния Горбачев (история его прихода к власти здесь не рассматривается) и, по-видимому, какое-то количество его номенклатурных единомышленников, которых он собрал и продолжает собирать вокруг себя, в начале своего правления, зная, в какую бездну морального падения и хозяйственной неэффективности легит страна, решили приоткрыть эту картину перед народом, парадоксально переняв роль глашатаев истины у Самиздата, эмиграции и западных радиоголосов. Во-первых, народ должен был знать, в каком состоянии достается страна новым руководителям. Во-вторых, положение необходимо не просто исправлять, а спасать, а для этого народу надо срочно проникнуться сознанием ситуации. Прежде всего народ должен был очиститься от собственных вопиющих недостатков. Еще в краткий период способности Андропова к самостоятельному передвижению им была предпринята громокипящая кампания по повышению трудовой дисциплины и принят ряд соответствующих законов. Горбачев продолжил борьбу за моральное и физическое оздоровление советского народа прежде всего посредством грозной атаки против пандемии алкоголизма, поразившего общество в угрожающих его генофонду масштабах. Судя по телевизионным передачам и публикациям в прессе, то ли эта атака в последние месяцы слегка ослабла, то ли пьяницы стали скрытнее и осторожнее. Но разоблачительная активность нового руководства не ограничилась борьбой против алкоголиков. Постепенно в художественной литературе (где это началось уже давно, точнее, не прекращалось в какой-то мере с хрущевских времен), в кино, в театре, в публицистике, в радио- и телепередачах начала возникать картина глубокого административного, хозяйственного, нравственного, бытового, экологического неблагополучия. Острые критики было направлено, в основном, против несовершенств "человеческого фактора" работоспособной и в принципе эффективной, по убеждению критиков, системы социализма. Критика затрагивала довольно высокие ступени иерархии и явно поддерживалась и вдохновлялась Горбачевым и его единомышленниками. В прессе, радио- и телепередачах начали возникать обобщения. Вот два примера. 19-го декабря 1986 года "Правда" опубликовала небольшую статью "К 80-летию со дня рождения Л. И. Брежнева". Напомним, что культ Брежнева во внутренней политике КПСС нарастал по мере дряхления впадающего в маразм генсека. Теперь же, в упомянутой

выше статье, после ряда похвальных слов о начале и середине брежневского правления, было сказано:

"Однако в последние годы жизни и деятельности Л. И. Брежнева получили распространение необъективные оценки достигнутого. Несмотря на то, что экономическая ситуация изменилась, не была осознана вся острота и неотложность перестройки управления народным хозяйством, перевода экономики на интенсивные методы развития, активного использования в народном хозяйстве достижений научно-технического прогресса. Поиск путей продвижения вперед во многом сдерживали привычные схемы и формулы, не отражавшие новые реальности. Наметился разрыв между словом и делом. Не хватало целеустремленности, решимости в практических действиях.

Это привело к тому, что в 70-е и начале 80-х годов заметно снизились темпы экономического роста. Большую озабоченность в партии и народе вызвали негативные процессы в распределительных отношениях. На базе сложившейся ситуации в экономике возникли многие отрицательные явления социального и духовно-нравственного порядка.

Все это в значительной степени явилось следствием серьезных недостатков в деятельности партийных и государственных органов. Распространились настроения самодовольства, вседозволенности, стремление приукрасить действительное положение дел. Снизилась требовательность в деле подбора и расстановки кадров, их ответственность за порученное дело. В то же время отсутствие последовательного демократизма, широкой гласности, критики и самокритики, действенного контроля не позволяло своевременно вскрывать отрицательные явления, решительно вести борьбу с тем, что тормозило прогресс советского общества. Эти процессы нашли отражение и в идеологической, пропагандистской работе, где пустил корни формализм, характерной стала оторванность ее от жизни".

17-го — 18-го декабря 1986 года в Алма-Ате (столица КазССР) вспыхнули серьезные беспорядки, спровоцированные, согласно официальной версии, отставкой первого секретаря ЦК КП Казахстана казаха Д. Кунаева и назначением (фиктивными выборами) на его место русского Г. Колбина. В отличие от волнений в Грузии в марте 1956 г., от выступлений 1959 — начала 1960-х гг. в Темир-Тау, Муроме, Александрове и Новочеркасске, а также от более поздних демонстраций в Прибалтике, об этих беспорядках сообщала, в смягченной форме, далеко не со всеми подробностями и обстоятельствами, советская печать. Обсуждая эти неординарные для СССР события, казахский писатель Ануар Алимжанов в "Литературной газете" от 1-го

января 1987 года писал:

”Где истоки зла?

И снова память воскрешает события последних лет, напоминает о той атмосфере, в которой мы жили, когда на первый план вышли показатели, цифры, люди же годами оставались в тени цифр. Развилось взяточничество, коррупция, процветала двуличность. Люди, наделенные властью, с трибуны говорили одно, на деле совершали другое. Протекционизм, лесть и угодничество порождали вождизм артельного, аульного, районного, областного и республиканского масштаба. Критика снизу за последние десятилетия в Казахстане была сведена на нет. Человека, осмелившегося на нее, ждали серьезные неприятности. Все это порождало у людей равнодушие, пассивность, подогревало иждивенчество, карьеризм, очковничество. В республике не велась настойчивая борьба с хулиганством, пьянством, алкоголизмом, наркоманией, особенно среди несовершеннолетних”.

Если убрать из этого монолога ссылки на Казахстан, мы получим концентрированное изложение того, о чем, используя и варьируя бесчисленные конкретные примеры, свидетельствуют сейчас все средства советской массовой информации.

Является ли нынешний саморазоблачительный бум советской — несомненно управляемой — ”гласности” беспрецедентным в советской истории?

Нет, прецеденты есть, и волны разоблачений под аккомпанемент разговоров об инициативе трудящихся и о демократизации вздымались порой весьма высоко. Мы об этом забыли. Отчасти потому, что многое из этого было давно, еще при Ленине и в разных формах при Сталине. Отчасти потому, что после очередного всплеска управляемой гласности с ее разговорами о демократизации все постепенно затихало и возвращалось к прежней тоталитарной стагнации. Оставляю в стороне за давностью приленинский переход от ”военного коммунизма” к нэпу с его поистине уничтожительной партийной самокритикой и кроваво-демагогические присталинские разоблачительно-истребительные кампании, очень громкие, отнюдь не пренебрегавшие демократической фразеологией и вовлекавшие в себя все средства массовой информации. В газетах и ленинских, и сталинских лет также можно найти громовые филиппики против бюрократизма, коррупции, формализма, аморализма и пр. и в защиту истинной социалистической демократии. Ближе к нам, но тоже уже отстоят от нас на целое тридцатилетие, хрущевское разоблачение ”культы личности Сталина” и все последовавшие за этим разоблачением события: посмертная и частью прижизненная реабилитация массы политиче-

ских заключенных; взлет критической гласности; существенное раскрепощение литературы и искусства с возвращением читателю множества ранее запретных имен; конец эпохи тотального террора, так в массовых, всепроникающих формах и не возобновленного; грандиозные планы создания за двадцать лет ”материально-технической базы коммунизма” и непрерывные ”перестройки”, призванные интенсифицировать зашедшую при Сталине в глубокий тупик экономику, прежде всего — сельское хозяйство. Вряд ли чувство сдвигов и перемен, сегодня многими забытое, а целыми поколениями тридцати-двадцатилетних не пережитое (детей в расчет не беру), было тогда слабее нынешнего. Вспомним, что хрущевское совсем не шуточное изменение параметров советской жизни и фразеологии пришло после многолетнего сталинского террора. А уже через восемь лет после потрясений XX съезда Хрущев был отправлен в принудительную отставку как ”волюнтарист”. И присмирившая было в последние годы его правления (в эти годы уместились и венгерские события, и новые репрессии против инакомыслящих) гласность дала новый бум официальных разоблачений, правда, довольно короткий. Первая редакция моей, тогда — самиздатской, книги — ”Наш новый мир. Теория. Эксперимент. Результат” в значительной степени опиралась на ошеломляюще разоблачительную официальную статистику эпохи отставки Хрущева. Картина возникала вопиющая, и косыгинская хозяйственная фразеология времен, предшествовавших усмирению Чехословакии, была одно время немногим менее радикальна, чем нынешняя фразеология Горбачева.

Хочу ли я с помощью этих примеров предсказать, что горбачевская словесно-печатно-кино-телевизионная буря разоблачений и требований перемен (заметьте: требований, инициируемых сверху, в первую очередь — самим генсеком) пройдет бесследно? Отнюдь нет. Во-первых, и предыдущие два пика либерализации: ленинский нэп и хрущевское разоблачение ”культы личности” — не прошли бесследно, хотя и не переродили систему. Ленин вводил нэп вынужденно, под давлением смертельно угрожавших большевикам обстоятельств, вводил заведомо временно и половинчато. Тем не менее для того, чтобы уничтожить экономическую, крестьянскую — прежде всего, самостоятельность, культурное разноцветье и внутрипартийную фракционную разногласию времен нэпа, потребовался весь сталинский довоенный террор (у военного и послевоенного были другие побудительные истоки). Последствия хрущевского (пусть и неполного) низвержения Сталина с его пьедестала и отказа от сталинского тотального террора, несмотря на последующий переход

разоблачителя и его преемников к террору выборочному, действуют в советской жизни и культуре, в Самиздате и в эмиграции и по сей день. Во-вторых, аналогия — хорошее рабочее подспорье в исследовании, но не доказательство. В какой-то точке аналогичный чему-то прежде бывшему процесс может повернуть и пойти иначе, чем шло предыдущее.

Относительно того, может ли остаться бесследным то, что уже допущено при Горбачеве за последние год-полтора, позволю себе предсказать, что не может. Напечатанное — прочитано, сыгранное в театре и кино — увидено, сказанное — услышано. Смешно думать, что люди не знали жизни, которой они живут, до этого. Но отсутствие гласных свидетельств о том, что они переживали и наблюдали, позволяло им считать — при желании — свою ситуацию частной. Поток свидетельств подцензурной, дозволенной гласности (во всех ее жанрах и технологиях) показал, что ситуация застоя, распада, развала, нравственного упадка тотальна. Не может не возникнуть вопрос — почему? Даже вдруг оборвав поток легализованных саморазоблачений, этого вопроса из человеческого сознания одномоментно не исключить. Сегодня средства массовой информации подсказывают ответ: хорошая социалистическая система работает плохо, потому что преисполнен слабостей, недостатков, пороков ее "человеческий фактор". Но ведь это же не ответ, а этап вопроса: почему за почти семьдесят лет система не выполнила одного из первичных своих обязательств — не воспитала "человеческий фактор", соответствующий ее потребностям и якобы высочайшим возможностям? И почему работает эффективнее "человеческий фактор" дурной системы капитализма?

В. Дорнер в журнале "Тайм" (февраль 1987 г.)¹, в статье "Великий реформатор" приводит, казалось бы, сокрушительные для советской системы слова Горбачева, произнесенные им на пленуме ЦК КПСС в начале 1987 года. В. Дорнер пишет:

"Что же все-таки происходит в Москве? В прошлом бесконечные речи партийных боссов хотя и были невыразимо скучны, зато давали возможность сидящим в зале прихватить несколько минут блаженной дремоты. Не успел Михаил Горбачев начать свое обращение к Центральному Комитету, как все 307 его членов сразу уяснили, что во время этой речи они просто не могут позволить себе задремать. И несмотря на то, что речь Генерального секретаря продолжалась почти долгих три часа, в ней не оказалось ни одного скучного места.

Горбачеву было что сказать своим коллегам по ЦК: советская социалистическая система окончательно разладилась и требует срочных перемен. Эта весть была плохой уже

сама по себе, но — как будто этого было недостаточно, — Горбачев заявил, что "ответственность за сложившееся положение несут высшие руководящие органы партии и государства" (все цитаты из речи Горбачева даны в обратном переводе с английского. — Ред.).

И если кто-то из товарищей думал, что на этом Генсек остановится, то он глубоко ошибался — Горбачев только начинал длинную литанию всевозможных недостатков и прегрешений. Твердым ледяным голосом он перечислял пункт за пунктом:

"Пренебрежение законом, очковтирательство, взяточничество, поощрение низкопоклонства и раболепства оказывали разлагающее влияние на общественную мораль".

"Политические решения отличались консерватизмом, инерцией, тенденцией отбрасывать в сторону все, что не укладывается в знакомые шаблоны, нежеланием признать, что существуют значительные социально-экономические проблемы".

"Ежедневная практическая деятельность партийных и правительственных организаций подменялась покрикиванием сверху, показухой и бумаготворчеством".

"Увеличение потребления алкоголя, распространение наркотиков и рост преступности являются индикаторами падения общественной морали".

"Не было никаких препятствий на пути бесчестных людей, жаждущих только наживы, которые использовали членство в партии для достижения своих личных целей".

Но ведь и это не ответ, а вопрос: почему к финалу семидесятилетнего существования партийного единовластия столь плохи оказались "высшие руководящие органы партии и государства", несущие, по Горбачеву, ответственность за общесистемную катастрофу? Ведь иначе, как катастрофой, перечисленные Горбачевым симптомы неблагополучия не назовешь. И если даже оставить в стороне роковой вопрос "почему" (допустим, мы согласимся, что люди не доросли до системы), то возникает другой, с отрочества знакомый вопрос: "Что делать?". Ответы давались и по Чернышевскому, и по Ленину (Горбачев по сей день уверяет, что он ищет ответы на все вопросы у Ленина, умершего, судя по последним его работам, в глухом тупике), но финал-то каков?

Волну разоблачений уже подхватил Самиздат, и в нем (а также в никогда не умолкающем в СССР гуле частных бесед) она обретает дополнительные темы и акценты, тоже отчасти (но лишь отчасти) управляемые. И, напротив: литература, художественная и научная, и искусство из-за решающей роли в них подтекста и других особых приемов самовыражения, трудно уловимых и не уловимых для цензуры, были во все советские

времена, а сейчас — более, чем когда-либо, не полностью управляемы. Они опасно расширяют проблематику казенной гласности, которая, хотя и весьма осмелела и охмелела от потепления, в официальной своей ипостаси имеет ряд табу: ею не подвергаются сомнению советская внешняя политика, партийная версия истории и революции, марксистско-ленинская идеология, включая и материализм, и атеизм, принцип коммунистической однопартийности, необходимость огосударствления средств производства и всеобъемлющей хозяйственной плановости, хотя, может быть, более гибкой и менее детализованной, менее мелочной.

Первое послесталинское "коллективное руководство", а затем Хрущев выпустили из тюрем, лагерей и ссылок намного больше людей, чем выпустит Горбачев, даже если он освободит всех инакомыслящих, в том числе — из психиатричек (надо заметить, что режим содержания в местах заключения, включая и психзастенки, по сей день ужасен). Но люди, которых вернули в общество "коллективное руководство" и Хрущев, в большинстве своем не знали, за что они сидят. Люди, которых начал, пока — микропартиями (их и вообще много меньше, чем было тогда), возвращать в общество Горбачев, в значительном числе своем сидели (и в большинстве пока что — март 1987 г. — продолжают сидеть) именно за верования и размышления в запретных для официальной гласности направлениях. Если их распустят по домам (а Горбачеву, возможно, придется их отпустить: иначе какая же демократизация в глазах Запада? А Запад сегодня нужен), подземный гул неконтролируемых писаний, разговоров, а затем, возможно, и действий в обществе окрепнет. Так что без последствий и эта акция не обойдется.

НЭП 1920-х гг. вывел из-под государственного экономического абсолютизма сельское хозяйство и в весьма незначительной части (в основном, мелкую) промышленность. Политическое единовластие и физические средства его обеспечения остались в руках коммунистической власти, которая к 1930-му году (XVI съезд ВКП (б)) идеологически, а затем и физически истребила всякое разномыслие в своей среде. Сохранение компартией "монополии легальности" (Ленин) и физическое обеспечение этой монополии с самого начала, как это и было декларировано Лениным, делали нэп обратимым и позволили его прервать. Горбачев еще не сделал в области экономики ни одного шага, сравнимого по масштабам с сельскохозяйственными и торговыми аспектами нэпа, хотя, по-видимому, это именно та часть ленинского наследия, которую Горбачев принимает как руководство к действию. Тот же В. Дорнер в журнале

"Тайм" пишет:

"Для исправления ситуации Горбачев призывает партию одобрить целую серию реформ, которые должны привести к значительным переменам в советской системе. Он предложил, чтобы на местном, республиканском, а возможно даже и на всесоюзном уровне официальные должностные лица избирались по спискам, содержащим более одного кандидата и к тому же тайным голосованием. Он предложил также, чтобы директора заводов избирались рабочими. В то же время Генсек дал понять, причем весьма недвусмысленно, что все эти перемены ни в коей мере не ослабят власть коммунистической партии, которую он назвал "непоколебимой". Горбачев подчеркнул: "То, что мы сейчас обсуждаем, ни в коем случае не является ликвидацией нашей политической системы".²

Советы, все, сверху донизу, как и суды, и сейчас "избираются" тайным голосованием. Что это дает при предлагаемых одной партией кандидатах? Допустим, урны и опускаемые в них бюллетени появятся и в партийных (однопартийных) инстанциях. Допустим, что одобренных этой партией (ведь ее власть генсек объявил "непоколебимой", а политическую систему — незыблемой; партия же организована иерархически) кандидатов будет несколько. **Что это меняет?** Для каждого кандидата обязательны решения его партии, а партия-то общая! А выборы (несомненно, проверенных и рекомендованных) директоров заводов рабочими? Председателей колхозов "выбирают" уже более полувека. Сделались ли колхозы от этого эффективнее? Да будь и те, и другие выборы самыми добросовестными и выбери колхозники или рабочие самого достойного руководителя, деятельность колхоза или завода будет предопределена той хозяйственной метасистемой, в которую они жестко включены, в рамках, связях и законах которой действуют.

Огосударствленная, централизованно управляемая, единоплановая экономика социализма доказала за без малого семьдесят лет свою низкую эффективность. Тому есть тьма причин, исследованных со времен К. Маркса (и ранее) и до наших дней массой разноязычных, в том числе и русских, авторов. Упомяну только два основания этой неэффективности: 1) бесконечность объемов информации, необходимых для выработки уже одного только обоснованного критерия оптимальности ("наилучшести") столь гигантского плана и 2) необъятность объемов информации, необходимых для своевременной организации, регулировки и коррекции национальной экономики по единому (неизбежно произвольному) плану.

В какой степени экономические реформы, проводимые или планируемые Горбачевым

(пусть даже в силу идеологической и политической монополии КПСС всегда обратимые), посягают на фундаментальные основания неэффективности социализма?

Приведу в качестве одного из ответов на этот вопрос отрывки из беседы, подобные которой я несколько раз за последние месяцы наблюдала по советскому телевидению.

21 декабря 1986 года газета "Известия" опубликовала под заголовком "Служба человека" беседу своих корреспондентов Е. Манучаровой и М. Хромченко с президентом Советской социологической ассоциации академиком Т. И. Заславской. Имя последней стало широко известным в мире, когда 5-го августа 1983 года, еще при Андропове, в "Нью-Йорк Таймс" был опубликован отрывок из закрытого доклада о состоянии советской экономики, представленного советскому правительству группой ученых из Сибирского филиала Академии наук СССР. Эта группа (во главе с академиком Т. И. Заславской) тогда, в частности, писала о причинах кризисного состояния экономики СССР: "...Основные особенности системы государственного управления таковы: очень высокая степень централизации при принятии экономических решений; в высшей степени регулируемый характер планирования; сдерживание рыночных сил... ограничение всех видов нерегулируемой экономической деятельности в сфере производства, обслуживания и распределения..." Из доклада возникал однозначный вывод: необходимо неподдельно децентрализовать систему советского экономического управления и планирования, ввести в нее настоящие рыночные силы и отношения, допустив не регулируемое государством, **то есть частную и групповую**, экономическую деятельность не только в сфере обслуживания, но и в производстве и распределении. Только так мог быть прочитан доклад, если читать его честно. В столь централизованной и национализированной системе, как экономика СССР, перестройка должна была начаться сверху, так как наверху сосредоточена вся существенная экономическая инициатива. Чтобы стать эффективной и исключить из хозяйственной жизни страны все те пороки, о которых в 1983 году писала Т. И. Заславская, санкционированная сверху перестройка, законодательная и практическая, должна достичь поначалу хотя бы масштабов НЭПа 1920-х годов. Никаких сравнимых с нэпом нововведений власть не предпринимает. Вместо этого непрерывно говорят о перестройке "человеческого фактора": "человеческой психологии" и "жизненной философии" всех участников общественного производства "снизу доверху". И все прекрасно понимающая Т. И. Заславская включается в эту игру, предопределяющую

заведомый неуспех "перестройки". Она тоже сваливает всю ответственность за ход событий на "человеческий фактор", **начиная с низших инстанций**. В упомянутой выше беседе она говорит:

"Самостоятельность страшит людей, отученных от проявления инициативы, не умеющих определять цели, соразмерять личные, групповые и общественные интересы. Таких людей не так уж мало.

Недавно один мой знакомый, человек с университетским образованием, молодой, но успевший проявить себя способным программистом, спросил: Татьяна Ивановна, вот вы пишете об активизации человеческого фактора, а по радио и по телевидению все время твердят о необходимости начинать перестройку с самих себя. Но объясните, пожалуйста, на конкретном примере. Допустим, я воодушевился идеей перестройки и готов активизироваться. Но что я должен и могу сделать? Я — на своем месте? Вы же знаете, в моем институте ничего не шлохнулось, все как было, так и осталось: тот же директор с руководителями отделов, тот же хозрасчет с фиктивными или полуфиктивными договорами. Значит ли, что отныне, получая задание на разработку программы для ЭВМ и зная, что почти такая же уже сделана у соседей, я — как честный и принципиальный человек — должен заявить об этом во всеулышание и вступить в бой со своим начальством?

— А почему бы и нет? Что, после такого заявления он в институте не останется?" — спрашивает корреспондент.

И академик Заславская отвечает:

— Вообще-то не исключена такая грустная перспектива... Хотя времена нынче другие, глядишь, и останется. Но проблема участия каждого, действительно, чрезвычайно серьезна. Начинается жесткое размежевание — либо принципиальная бескомпромиссная позиция на своем месте, либо..."

"Либо" что — академик Заславская не объясняет. Она продолжает:

"При этом, заметьте, спрашивающий не ищет ответа в себе — ждет его от меня, тем самым как бы перекладывая ответственность за решение на кого-то другого, облегчая себе выбор. Но такой путь, если о перестройке говорить всерьез, по большому счету, заведомо ошибочен. Сколь бы ни было трудно решение, тем более принципиальное, каждый обязан всякий раз принимать его сам".

Зададим вопрос: но как же каждый, в том числе и директор упомянутого института, а не только молодой программист, может принимать решение "сам", если система экономики осталась полностью национализированной и централизованной?

Весьма содержательная статья на ту же тему опубликована в "Русской мысли" №

3660 от 13 февраля 1987 года (стр. 16). Статья называется "Номенклатуру — на мыло?" и подписана инициалами Н. Г. Приведу выдержки из этой остроумной статьи.

"8 февраля в "Правде" опубликован законопроект "О государственном предприятии (объединении)". Он заслуживает внимательного изучения, и мы надеемся вернуться к этой теме в одном из ближайших номеров. Однако уже сейчас хотелось бы сделать несколько замечок на полях законопроекта, который выглядит первым несмелым шагом по пути действительной, а не только словесной, навязшей в зубах перестройки — в данном случае важнейшей из всех: перестройки народного хозяйства. Одновременно он представляется значительно более смелым посягательством на права и привилегии сегодняшней хозяйственной номенклатуры.

Шаг этот выглядит несмелым не только потому, что речь по-прежнему идет об экономике, полностью остающейся в руках государства, — в конце концов всегда можно возразить, что за этим законопроектом может последовать другой, что-нибудь вроде "О частном предприятии (объединении)" (это мы, разумеется, витаем в облаках, забыв о существовании уже принятого закона об индивидуальной трудовой деятельности, откуда ничего такого не вытекает). Несмелый он по другим параметрам.

Законопроект, казалось бы, решительно расширяет сферу самостоятельности предприятия: "предприятие действует на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования" (все, что выделено нами в цитатах, — выделено в самом тексте законопроекта; "хозрасчетный доход коллектива (...) находится в распоряжении предприятия, используется самостоятельно и изъятию не подлежит"; основной формой планирования и организации деятельности предприятий является **пятилетний план** экономического и социального развития (с распределением заданий по годам). Предприятие разрабатывает пятилетний план самостоятельно (...); "договоры на производство и поставку товаров народного потребления заключаются в результате свободной продажи изделий на оптовых ярмарках (...)". И так далее. Но: "деятельность предприятия строится на **основе Государственного плана** экономического и социального развития как важнейшего инструмента реализации экономической политики Коммунистической партии и Советского государства" — и уже одно это снова лишает предприятия их хозяйственной самостоятельности. И в таком контексте парадоксальное сообщение о том, что "в деятельности предприятий возрастает роль **экономического соревнования** между предприятиями как важнейшей формы **социалистического соревнова-**

ния", отнюдь не выглядит всего лишь данью коммунистической фразеологии: авторы законопроекта действительно пытаются совместить несовместимое и при первом же признаке грозящих конфликтов восстанавливают иерархию: требования социалистической политэкономии — превыше всего, требования производства и (страшно сказать) рынка — постольку-поскольку..."

Статья завершается трагическим прогнозом о судьбе тех, кто, оказавшись народными избранниками, придет на места устранных нынешних производственно-хозяйственных номенклатурщиков и, согласно пожеланиям вдруг утратившей прежнюю пронизательность Т. И. Заславской, начнет "перестройку" "с самих себя", при неизменной необходимости работать в рамках единого государственного плана:

"...трагично будущее тех, кто, избранный народным волеизъявлением, искренне воодушевленный открывающимися возможностями, придет на их места и попытается сначала успешно работать в рамках системы, исправлять ее "отдельные недостатки", затем начнет удивляться, ужасаться, открывать глаза, прозревать и — либо махнет рукой и пустит все на самотек, либо примется трепыхаться, биться, сражаться и окажется в позиции Чарли Чаплина перед взбесившимся конвейером социализма".

Но что же следует все-таки в экономической плоскости делать? И чего бы мы захотели от Горбачева, если бы он (фантастическое предположение) готов был нас выслушать и принять во внимание все те исследования, о которых сказано выше и на которые опираемся мы? И если бы он и его единомышленники действительно обладали благими намерениями и располагали бы властью и временем осуществить эти свои намерения?

Я недавно получила письмо из США от образованного и начитанного человека, историка по интересам с экономическим образованием, несколько лет тому назад покинувшего Советский Союз. Подобно многим другим наблюдателям, он считает, что в СССР нет ни духовных, ни материальных ресурсов для какой бы то ни было раскрепостительной позитивной экономической перестройки. Уничтожено два поколения назад крестьянство, способное прийти на смену колхозам и совхозам. Вытоптано физически, юридически и психологически в нескольких поколениях здоровое частное предпринимательство, и морально злокачественная "вторая", она же "левая", она же "черная", экономика никак не может явиться его человеческим резервом. Допущение недавним законом "индивидуальной трудовой деятельности" есть лишь легализация и взятие под дополнительный (налоговый — в первую очередь) контроль давно

существующих видов личной деятельности, неспособных по своим масштабам создать накопления для реализации более существенной частной инициативы. Все сказанное было бы верно, если бы речь шла о революции: сегодня — все, как оно устоялось за шестьдесят лет (до 1927 года еще функционировали открытые, подспудные и потенциальные силы нэпа), а с завтрашнего утра — принципиально новый строй с отменой всего, что функционирует сегодня. Речь идет, однако, не о революции, а лишь о том, какие начальные шаги должны были бы предпринять Горбачев и К°, если бы они думали действительно о коренной перестройке советского бытия, а не об очередных поисках наиболее эффективного варианта в границах заведомо, проверенно наилучшего принципа социально-экономических отношений. Человеческие ресурсы для истинной перестройки есть: каждый класс, каждый курс, каждая аудитория, каждая неформальная беседа в любом кругу и в любой среде свидетельствуют о наличии неповрежденных душ и умов. Начинать надо с того, с чего начинала история в любом ее естественно протекавшем национальном процессе: с раскрепощения сельского хозяйства и создания накоплений в нем. Но с раскрепощения истинного: сначала с арендой, затем, может быть, и с продажей земли, а не со звеньевыми подрядами и семейными колхозными фермами. Это одно потянуло бы за собой огромные и сложные изменения в торговле, в продаже и производстве сельскохозяйственной техники, в перерабатывающей сельхозпродукты промышленности и т. д. Это надо было бы делать медленно, осторожно, шаг за шагом, но **делать**, к чему не видно и приближения!

Что же касается высвобождения материальных резервов, то вопрос это, в первую очередь, идеологический, а не экономический. Если бы разговоры советских лидеров о миролюбии СССР не были бы камуфляжем борьбы за весь мир — **за планету**, если бы существовали малейшие нефиктивные признаки того, что ЦК КПСС готов от этой борьбы отказаться, проблемой стало бы не то, где взять средства на кредиты будущим частным и неподдельно кооперированным предприятиям, а то, куда девать высвободившиеся человеческие резервы и производственные мощности.

По данным норвежского журнала "Journal for Peace Research" №3, 1979 год (Осло), 20% национального дохода в СССР в 1970-х гг. использовалось в военных целях. Тот же автор считает, что на эти цели шло 50% средств, расходуемых на научно-исследовательскую деятельность. По более свежим данным журнала "Europäische Wehrkunde", в советском военно-научно-промышленном

комплексе в начале 1980-х гг. было занято триста тысяч инженеров и сто пятьдесят тысяч научных сотрудников. В 1981 г. расходы СССР на военные нужды составили, по данным этого журнала, 175 миллиардов долларов, или 43% всего государственного бюджета. Если бы военные устремления руководителей СССР ограничились (мысль, сегодня не имеющая под собой никакого реального основания) только поддержанием и модернизацией необходимого оборонительного потенциала, то, пожалуй, можно было бы при перестройке социалистической экономики в действительно конкурентно-рыночную, с ведущим частнохозяйственным сектором, обойтись без существенных внешних займов. Хотя последние, как и ограниченные во времени концессии, как и внешние инвестиции в трансформируемую экономику, тоже отнюдь не являются абсолютным злом.

Но пока что и признаков изменения внешнеполитического курса ЦК КПСС не наблюдается. Когда проводишь день, вглядываясь в советские телепрограммы, и слушаешь почти каждый час советских дикторов новостей, жутко становится от нагнетаемого этими передачами чувства осажденности, смертельной внешней опасности, необходимости быть ежесекундно готовым отбиваться и защищаться. Кроме того, эти передачи безостановочно культивируют образ СССР, спасающего благодарное человечество от ужасов капитализма и наследия колониализма. Самые страшные, голодные, угнетенные, разоренные междоусобицей, провоцируемой СССР, районы мира изображаются в этих телепередачах как процветающие под советским покровительством оазисы счастья, справедливости и благоденствия. США возникают на советских телеэкранах как империалистический монстр, стремящийся завоевать социалистический мир, прежде всего, конечно, СССР, превратив планету в капиталистический ад или в радиоактивную пустыню с вымирающими мутантами. Никаких более или менее убедительных признаков отказа Советского Союза от планетарных экспансионистских задач и обращения основных ресурсов страны на внутренние оздоровительные (**действительно** оздоровительные, базисные, принципиальные) изменения нет. Пока что все используется в целях этой экспансии — в первую очередь, посредством создания в общественном мнении всего мира нового, либерального, симпатичного облика советской жизни. Причем достигается это задешево: посредством множества слов и очень немногих действий, которые мощно эксплуатируются пропагандой. Освободили несколько десятков политических заключенных (тысячи остались сидеть), но как это подано! Возьмем хотя бы наиболее яркий случай — возвращение из горьковской бессудной ссылки академика

А. Д. Сахарова. Сделано это сразу же после доведения до безвременной кончины в Чистопольской тюрьме Анатолия Марченко (далеко не первого за последние годы, но наиболее известного миру из убиенных коммунистической властью в ее застенках инакомыслящих). И мир довольно быстро переключается с потрясения и возмущения убийством Марченко на восторги по поводу освобождения Сахарова. Тем более, что Сахарову дают возможность контактировать с западными средствами массовой информации. Сахаров упорно и мужественно говорит в своих выступлениях об узниках совести, продолжающих томиться в советских тюрьмах, лагерях, ссылках и психзастенках. Но слышат и читают его только на Западе, где все эти факты хорошо известны. В СССР Сахаров, по-прежнему, лишен трибуны — был лишен до последнего международного форума борцов за мир, где ему позволили сказать несколько слов. И тут особенно наглядно выступил тот печальный факт, что свою акцию освобождения ими Сахарова из беззаконной ссылки власти ловко эксплуатируют в своих интересах. Сахаров еще с 60-х гг. был противником создания системы противоракетной обороны в СССР, считая, что потенциальный агрессор всегда найдет пути и способы преодоления и нейтрализации этой обороны. Сегодня он переносит это свое отрицательное отношение к противоракетной обороне как таковой на СОИ — стратегическую оборонительную инициативу президента Рейгана. Вскоре после своего возвращения в Москву из ссылки он сказал в интервью, данном американской телевизионной компании "Эй-Би-Си":

"...Я не считаю, что СОИ когда-либо станет научно обоснованной программой, с помощью которой можно будет эффективно противостоять противнику. В отдаленном будущем СОИ, возможно, будет реализована, но она никогда не станет надежной с военно-стратегической точки зрения" ("НРС" от 30.12.1986 г.).

"Русская Мысль" цитирует (в обратном переводе) следующие слова акад. А. Д. Сахарова из его беседы с корреспондентами, опубликованной лондонской газетой "Таймс":

"Потенциальный противник, располагающий высокоразвитой технологией, может найти средства справиться с космической обороной, причем это гораздо проще и дешевле, чем создать систему такой обороны. Поэтому я считаю, что стратегически это неосуществимо".

В интервью немецкому журналу "Шпигель" он сделал аналогичное заявление и выразил согласие с официальной советской точкой зрения на этот вопрос, тем самым дав отличную опору оппонентам Рейгана в США,

где и так будущее проекта СОИ висит на ниточке. Я не сомневаюсь в искренности и добрых намерениях академика Сахарова, однако представляется весьма наглядным, что он не учитывает здесь того научно-технического разрыва, который образовался между Западом и СССР за последние годы и который позволяет Западу надолго обезопасить себя от советского нападения посредством СОИ. А уж Запад на Советский Союз заведомо нападать не станет.

За сорок с лишним лет развития компьютеростроения в странах Запада плотность элементарных ячеек в процессорах выросла на много порядков. Наметились перспективы довести эту плотность до плотности нейронов в живом мозгу, скорость циркуляции несущих информацию сигналов в них — до скорости света, а количество операций в секунду — до многих миллиардов — при весе и габаритах узлов, приемлемых для "малой" космической техники. Техническое отставание Советского Союза в этой отрасли, в том числе и микроминиатюризации узлов, все эти годы только увеличивалось, несмотря на все усилия советских "технократов". Преодолеть его, "догнать и перегнать" — не из тех задач, которые возможно сравнительно быстро решить, используя способность тоталитарной диктатуры мобилизовать, "бросить" средства и кадры огромной страны на сравнительно узкий участок науки и техники.

Ибо дело не только в чисто техническом отставании. В последние десять лет компьютер стал в развитых странах неотъемлемым атрибутом их образа жизни. Малыши играют с компьютерами в постепенно усложняющиеся игры. Школьники осваивают программирование, выполняют сложные домашние задания с помощью компьютеров. Новое поколение в детстве и отрочестве, то есть в пору высокой адаптационной способности, приучается работать с компьютерами и использовать их возможности, развивая в себе соответствующую интуицию.

Не будем здесь дискутировать о пользе и вреде от такой "компьютеризации" западного общества и о ее далеких последствиях. Важно, что она свершившийся факт и развивается дальше.

Советское руководство вполне понимает, какие возможности приобрел свободный мир благодаря массовому внедрению компьютеров, и отнюдь не желает отставать от него и дальше. Принят ряд постановлений об обучении подростков в школах работе на компьютерах. Созданы специализированные производственно-технические училища и пр. Но учить не на чем. Компьютерной техники для этого, как пишут советские газеты, катастрофически не хватает. Тем не менее советская промышленность смогла бы в конце концов

освоить ее массовый выпуск (пусть и худшей по качеству), как в свое время — телевизоров и магнитофонов, и обеспечить такое же ее распространение в стране.

Но как раз здесь возникает еще одно серьезное обстоятельство.

Ведь современный компьютер с печатающим устройством на дому — это уже не "Эрика", которая "берет четыре копии" (А. Галич), а свободная неподконтрольная, неподцензурная типография, способная размножить любой нежелательный властям текст — от меню обкомовского буфета до "Архипелага Гулага" или серьезных научных трудов со строгим анализом централизованных систем.

Как же может в таком случае советское государство допустить компьютер в каждый дом, в каждую семью (не карманную электронную счетную машинку, а настоящий компьютер с дисплеем и печатающим устройством на выходе) — и сохранить "монополию легальности" (Ленин) КПСС на печатное слово?!

Пока советские "компетентные органы" будут решать эту проблему плюс продолжительность активной жизни минимум одного поколения — все это время свободный мир, опираясь на свое превосходство в компьютеризации техники и общества, имеет абсолютную возможность сохранять решающее преимущество и в области средств противоракетной обороны, и в области средств ее преодоления. Весь вопрос в том, СТАНЕТ ЛИ он это делать. Недаром советское руководство, прекрасно отдавая себе отчет в сложившейся ситуации, предпринимает всевозможные шаги, чтобы предотвратить создание СОИ. С этой целью и пропагандируются мнения, что абсолютную, гарантированную на все 100% неуязвимость от ракетного нападения эта система — как любой щит, любой панцирь, любая броня и т. д. и т. п. — обеспечить раз навсегда все равно не сможет⁴.

Несомненно, А. Д. Сахаров абсолютно искренен и благонамерен в своей поддержке и западных (очень многочисленных и влиятельных), и советских (весьма понятных) противников СОИ. Но именно эта поддержка, независимо от воли А. Д. Сахарова, окупилась для советских правителей тот вред, который наносят им непрерывные требования возвращенного в Москву академика освободить узников совести.

Освобождая, по только им одним понятным соображениям, одних узников совести и задерживая за решеткой других, советские правители не объявляют арестов освобожденных ошибочными или, тем более, преступными, не провозглашают всеобщей политической амнистии, не изменяют своего законодатель-

ства — не делают ничего, что могло бы ослабить политико-идеологическую монополию ЦК КПСС и предупредить эскалацию террора в будущем.

Опубликование в советской прессе правил выезда из страны и въезда в нее отнюдь не означает узаконения свободы эмиграции, репатриации или иммиграции. Выезд обуславливается воссоединением семей и гостевыми поездками по серьезным причинам, въезд — тоже, кроме тех случаев, когда власти, по своему произволу, нарушают собственные установления в ту или иную сторону, как они это делали всегда.

В Советском Союзе не ощущается легализованной силы, включая Горбачева и его окружение, которая имела бы четкую позитивную программу выведения страны из ее нынешнего хозяйственного, нравственного и политического тупика.

Чрезвычайно напряженным остается национальный вопрос. Не только еврейский, о болезненности которого свидетельствует хотя бы недавняя переписка между Н. Я. Эйделманом и В. П. Астафьевым, опубликованная с комментариями К. Любарского в "Стране и мире" № 12, 1986 г., а до того разошедшаяся по Советскому Союзу и попавшая за рубеж в массу списков. У национальной проблематики множество других аспектов, которые КПСС игнорирует и тем отнюдь не способствует их благоприятному разрешению. Широчайшая гамма русских патриотических и националистических идеологий и настроений, национализм и все более активная самоидентификация меньшинств, сепаратизм в национальных республиках, федералистские тенденции разных толков, коммунистический империализм и пр. создают ситуацию, которой гнет центра до поры до времени мешает взорваться, но этот гнет не снимает напряжения и не конструирует путей для его снятия. Это, однако, особая сложнейшая тема, требующая специального глубокого рассмотрения.

Считаю ли я, что все происходящее сейчас в СССР: бум критической гласности (в определенных границах и направлениях); репрессии против лиц, злоупотребляющих своим служебным и партийным положением, часто весьма высоким; многоаспектное оживление культурной жизни; освобождение какой-то части политических заключенных и ссыльных; выборочный диалог с эмигрантами; разговоры о "перестройке" и попытки рационализации, интенсификации экономической жизни системы — считаю ли я, что все это делается **только** ради придания советскому строю большей привлекательности в глазах внешних наблюдателей, ради — в конечном счете — облегчения экспансии коммунизма?

Нет, я так не думаю, хотя эта цель, на мой взгляд, присутствует в планах власти. Я предполагаю, что Горбачев и те представители номенклатуры, которые разделяют его устремления, не меньше, чем Хрущев в 1950-х гг., хотя и на самом деле оздоровить, эффективизировать и даже несколько гуманизировать советскую систему. Но именно эту систему с ее основополагающими принципами: абсолютной политико-идеологической гегемонией КПСС, огосударствлением основных средств производства, национальной практикой и глобальными устремлениями. А истинная трансформация системы в плане повышения ее гуманности и эффективности без посягательства на эти определяющие систему принципы невозможна. И я подозреваю, что Горбачеву и его номенклатурным сторонникам, нестарым, толковым и небезграмотным людям, это понятно. И это понимание вносит в их деятельность разлагающий их элемент лицемерия: они вряд ли готовы даже к отдаленному постепенному и умеренному посягательству на основополагающие принципы системы. Если последнее предположение правильно, разговоры о перестройке ждет участь шумихи по поводу "построения материально-технической базы коммунизма" (1961) или "продовольственной программы" (1982). Кто сейчас о них вспоминает? А чрезмерно либерализованную гласность и охмелевшие от "демократизации" культурные силы снова введут в приемлемые для номенклатуры рамки: способов для этого у ЦК—ГБ достаточно и опыт огромен. Но система от всего этого зайдет лишь глубже в тупик и напряженность ситуации снова повысится. И тогда неизбежен рост принуждения и дезинформации.

Если же (оставим в своем воображении такую исчезающе малую, но не нулевую вероятность) начнутся со временем, усилиями известных или ныне безвестных лиц, принципиальные и необратимые изменения коренных свойств коммунистической системы, эмиграция с радостью положит на столы преобразователей плоды своей непрерывной почти семидесятилетней работы, в которых накоплены большие ценности для нелицемерных раскрасителей советского общества. Это труды по истории России, Запада и СССР, это размышления о желательном будущем и путях к нему. Хотя вряд ли референты советских правителей большей части этого не читали...⁴

Но, повторяю, на мой взгляд, вероятность

такого хода событий бесконечно мала.

В заключение расскажу об одной советской телевизионной передаче, которую мы смотрели в начале января 1987 года. На Московском инструментальном заводе (МИЗ) проводилась совместная конференция актива завода, его администрации и деятелей науки (философов и экономистов). Администраторы, представители ИТР и рабочие завода жаловались на многообразные плановые, организационные, снабженческие и бытовые неурядицы, мешающие им перестраиваться. Ученые толковали о фундаментальных основаниях перестройки. Доктор философских наук (фамилии не запомнила), вторя своим коллегам, произнес примерно следующее: перестройка — проблема прежде всего философская и психологическая; каждый должен для начала перестроить свою личную философию и психологию. Сегодня вечером надо решиться завтра начать работать лучше, эффективнее, инициативнее, по-новаторски и утром, придя на свое рабочее место, приступить к осуществлению этого своего решения. Только так можно начать и произвести перестройку **снизу доверху**.

Лица у людей были мрачные, неподвижные, неприязненные.

Разве это не дословное повторение того, что внушала академик Т. И. Заславская недоумевающему молодому программисту, не понимавшему, как можно начать перестройку "с себя" в не изменившейся принципиально ситуации? **Говорильно** можно начать с любого места (если дадут команду или позволят). Но **истинная трансформация** безысходно централизованной, моноидеологической системы (если исключить взрыв снизу или крушение по другим причинам, чего пока не предвидится) мыслима только при проведении **принципиальных общесистемных верховных реформ**. Тысячи мероприятий типа вышеупомянутой конференции на МИЗе, идущих по всей стране, не внушают надежды на такой поворот событий.

¹Цитирую по журналу "Круг" №502, февраль 1987. Тель-Авив. Стр. 37-39.

²Там же.

³Напомним, что президент Рейган предложил раскрыть технологию СОИ после ее внедрения и передать ее Советскому Союзу.

⁴Из выступлений некоторых советских руководителей следует, что готовившие их референты определенных материалы читали.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Страна и Мир" №№7 и 8. Странно даже! Редакторы, К. Любарский и Б. Хазанов, больше в своем органе не пишут, сдав его

бесталанным и никому неизвестным сотрудникам, вяло таявляющим что-то нудное-пре-нудное. После громкого начала, журнал

выдохся как проткнутый мяч. Много места отведено прениям между польскими левыми диссидентами, фамилии коих безграмотно изображаются как **Кучиньский**, **Карпиньский** и пр. Неужели нет ни одного интеллигентного человека в кругу сотрудников, кто бы объяснил, что польские фамилии типа **Осинский** или **Чаплинский** по-русски пишутся без мягкого знака?

"Континент" № 49. С удовольствием читаются хорошие стихи И. Муравьевой. Приведем одно четверостишие, не из самых лучших у нее, но характерное по чувству:

Произнесу: Россия... Вечер...
Еще скажу: Мороз... Москва...
И вот, как траурные свечи,
Зажглись любимые слова.

Стихотворение М. Тверского-Ямского есть цепь серых и тупых вульгарных графаретов:

Толстой был граф, а от жены убег,
Куприн бесплатно посещал притоны,
Распутничал Распутин, гресил Блок,
Стольпин строил жесткие вагоны.

"Жалобы часовщика" А. Цветаева наводят тоску своею — вероятно, умышленной, — косноязычностью:

ветлы волглые в усмерках силы,
комарей шилоротый отряд,
в лебеде ништяки звездогрызы
силикатную озубь острят.

М. Кребс вообще-то талантлив. Но при виде стихов вроде:

Человек создал автомобиль
По образу и подобию своему.
У автомобиля два глаза,
У автомобиля четыре конечности,
спрашиваешь себя, словами Пушкина:

Что, если это проза,
Да и дурная?

И. Ратушинская, признанный поэт, пробует силы в жанре стихотворений в прозе, — и, к сожалению, явно неудачно. В переводах А. Наврозова из Э. Диккинсон ощущается, что у поэтессы-то было, что сказать, да в пересказе улетучилось. Надутые же и претенциозные его комментарии лучше бы опустить. Длинный рассказ А. Тарковского "Жертвоприношение" — тягостный бред. Все герои, видимо, — полупомешанные, и очень, до неприличия, боятся войны. Главный из них поджигает, в конце концов, свой дом, и его увозят в больницу. Не мешало бы и остальных. Разбирать рассказы С. Соколова и Л. Консона — не будем; они бездарны как всегда. Изю всего отдела беллетристики в номере единственная вещь, имеющая художественную ценность, — краткое "Житие старца Корнилия" Г. Русского.

А. Михник, резюмируя историю русско-польских отношений, со вкусом повторяет руссофобские клише, родившиеся из обид и озлобления. Зачем их совать в нос русской

публике? Они доказывают одно: поляки не в состоянии информировать Запад о России. Мы знаем, однако, что среди них встречаются люди, способные все понять и правильно разобраться в вещах, — и с теми мы рады сотрудничать. Таковы были покойные И. Мацкевич и его жена Б. Топорская. Наверное, есть и другие. Но те — в "Континенте" не участвуют. Д. Панин дает обзор истории России с патриотических позиций; что и приятно... Да не совсем на месте в данном журнале. Редакция воспроизводит письмо А. Синявского, называя его **литератором** (а почему же не **писателем**?). В процессе малоинтересного спора о том, был ли покамест вовсе нам незнакомый С. Хмельницкий стукачем, В. Максимов высказывается о Синявском следующим образом: "Может быть, ему кажется, что так будет эффективнее очернить наш журнал, связав его "рукою дружбы" с Лубянкой?.. Мы тоже можем спросить у него, а не протягивает ли он тем самым "руку дружбы той же организации?" Дотолковались!

Тут же приложено заявление замешанной в дискуссию дамы, требующей, чтобы ее фамилия писалась не Пелетье-Замойская, а **Пельтье-Замойска**. Ей бы подошло отказать, согласно правилам русской грамматики. Нередко встречающаяся французская фамилия Пелетье (или Лепелетье) всегда именно так передается по-русски, а уж форма **Замойска** просто совершенно немыслима и недопустима в рамках нашего языка, хотя и законна по-польски или по-чешски. Фамилия же **Замойский**, в женском роде **Замойская**, для поляков и русских, крепко вошла в нашу традицию и пересмотру не подлежит.

Беседа генерального секретаря Пен-Клуба, А. Блока, с Г. Келерман, по заданию "Континента", производит неприятное впечатление тем, что литературный сановник упорно ставит на одну доску преследования писателей на Филиппинах (до революции), в Южной Америке или в Турции, с таковыми в СССР или на Кубе, а тут, как говорится, две большие разницы. Еще же неприятнее его неоправданно оптимистический взгляд на нынешнее положение в красном Китае.

"Вече" № 23 удивляет и тем, что в нем есть, и тем, чего нету! Куда исчезла В. Вулич, самый талантливый и самый культурный (как факт, единственный талантливый и культурный) среди сотрудников альманаха? А равно и О. Поляков, самый среди них напористый и заносчивый. О нем жалеть не будем: его взгляды раздражали всех порядочных людей Зарубежья (и, верно, в подьяремной России, если туда доходили). Отголоски тому — письма в редакцию с возражениями ему в этом же номере (от Р. Днепров, С. Алова и А. Самыгиной). Поредели ряды

живых, — зато партия покойников усилилась: И. Ильин (что станет делать редакция, когда запас его сочинений истощится?), Н. Ульянов, Е. Чириков. Их критиковать нет смысла: ведь не их вина, что они тут!

Со статьей М. Факелова "Отмывка красных кобелей" мы в основном согласны, в частности, относительно гнусной фигуры И. Эренбурга, мастера при жизни потрафлять заданиям компартии. Выпишем кусочек: "Есть красные кобели, которых хотят отмывать от крови человеческой, в которой не только их руки, но и сами они в ней сверху головы... Всех их, и палачей, и их певцов, хотят отмывать добела, до чистых риз, до людей с чистой совестью". Все верно. Но ведь именно духовный руководитель "Веча", О. Поляков, всюду призывает нас к примирению с чекистами... Правда, статья Факелова и опубликована в отделе "Трибуна". Н. Нефедов, в историческом очерке в жанре тяп-ляп, воспевает исследователей и освоителей Дальневосточного Края, графа Н. Муравьева-Амурского и Г. Невельского. Однако...они-то расширили Россию; почтеннейший же г-н Нефедов стремится ее сузить и урезать, откорнав от нее столь жизненные ее части как Средняя Азия! Посему, — слушаешь его патетические восклицания, а на душе недоверие...

Ю. Миролюбов (тоже, впрочем, из партии покойников) был фантазер и поэт. Свойства для беллетриста неплохие, но когда соединяются с попытками переделывать историю или восстанавливать памятники старины, — крайне опасные. Они легко заводят в мистификаторство. Отнесемся к его поэме о Святославе как к произведению чисто литературному.

И № 24. Полная смена декораций! С полномера уделено В. Вулич, выступающей с одинаковым талантом в амплу публициста и новеллиста. С блеском разделяет она под орех Л. Копелева и Р. Орлову. Кто из нас не негодует в душе, глядя на эту пару вруна со вруней? Но мало кто сумел бы найти столь меткие и едкие афористические определения их сущности. Серия же ее стихотворений в прозе о жизни в подъяремной России, — на уровне настоящей литературы (особенно превосходит очерк "Очередь" — подлинный шедевр высоко поэтической миниатюры).

Отметим еще интересные воспоминания Л. Рубанова о встречах с рядом литераторов предреволюционного Петербурга, литераторов второго ранга, но весьма самих по себе значительных, как Л. Рейснер, Т. Щепкина-Куперник, С. Городецкий, И. Ясинский и даже А. С. Грин.

Базаров советовал Кирсанову: "Аркадий, не говори красиво!" Посоветуем Е. Валину: "Евгений, не говори по-латыни!" Стыдно писать кириллицей **модус диченди**, вместо **диценди** (что еще за итальянский выговор?) и

уби бене, уби патрия (sic!). Рассуждения же его о **русскости** — пустозвонные. Экая трагедия, что какой-то юный американский оболтус не желает быть русским, хотя и русский по крови! Ну и пусть себе... Дыры в небе не сделается... На вымученную тему о **русскости** даже и В. Вулич ничего ценного сказать не находит. От себя выразим мнение, что право именовать себя русским имеет всякий, кто русским себя считает. Этническая принадлежность не есть почетное звание: бывают урки, провокаторы и всякая дрянь, кои суть бесспорно русские. А что патристические фразы часто произносят пустые или лживые личности, — это же трюизм! То же самое можно бы заметить и о мыслях О. Бирюкова, что плохо, когда русская молодежь в СССР подражает всяким скверным или глупым чертам западных нравов.

В эссе Г. Варягина о Гумилеве выделим верные слова: "В русской памяти имя Николая Гумилева останется символом верности и чести, — тех бесспорных ценностей, которые придают смысл и его творчеству, его поэзии". Разделим также презрение автора к Е. Евтушенко, болтающему глупости о погибшем поэте. В остальном же, есть тут и спорные мысли. А хуже всего — умолчание, при разборе откликов на творчество Гумилева за рубежом, о 2-й эмиграции; для г-на Варягина есть только 1-я и 3-я. Между тем, то издание Гумилева, которое было осуществлено "в трудные послевоенные годы", было осуществлено новым эмигрантом, В. Завалишным. Новые эмигранты Д. Кленовский и Н. Моршен посвятили ему прекрасные стихи, а лучший из поэтов нашей волны, И. Елагин, — чудесное четверостишие в стихотворении "Авторские права". Я бы мог, пожалуй, добавить, что и сам, *moi qui vous parle* опубликовал в разное время о Гумилеве с десяток статей, в "Русской Жизни", в "Нашей Стране", в "Новом Русском Слове" и даже в "Новом Журнале", чем заинтересовал покойного литературоведа Г. Струве, с которым завязалась у меня переписка. Но уж ясно, что я — слишком малая величина, чтобы г-н Варягин (чье настоящее имя невольно угадывается) удостоил меня своим вниманием. В целом же, несомненно, именно в нашей, 2-й эмиграции появился культ Гумилева, любовь к нему и понимание его. Затушевывать сие — глубоко фальшивая позиция. И зачем это делается? Кому оно нужно?

Странно тоже, что, много говоря о Пушкине, пушкинском юбилее и пр., противопоставляя исследования о Пушкине в эмиграции таковым в СССР, автор почему-то не роняет ни слова о позорной антипушкинской кампании, затеянной было не столь давно А. Синявским, при опоре на "Русскую Мысль" и при

поддержке кое-кого из западных славистов. Напрасно! Участники сей пакостной акции заслуживают, чтобы их имена навеки были выгравированы на доске позора.

Статья Н. Новикова о двуглавом орле откуда-то перепечатана (откуда неизвестно, но "с разрешения Союза Инвалидов"), а равно и статья А. Карташева о Владимире Святом. Поэтому не станем их и разбирать.

Ядовитая вечевая идеология, по исчезновении г-д Полякова и Нефедова (временном или окончательном?) укрылась в отделе писем, подписанных сплошь инициалами. В них уже не молчат о монархии, а открыто на нее нападают. Курьезными, однако, приемами! В. Т. из Парижа сообщает, что приехал из СССР монархистом, а за границей понял невозможность реставрации. Вот кабы он из-за границы ездил в СССР, а там такое понял, это бы был аргумент (хотя и не решающий). А то: раз там монархистов много (а ведь не белая же ворона г-н В. Т.?), это вот важно. А что он существенное мог увидеть за границей? Поссорился с сослуживцем или с соседом по квартире с монархическими убеждениями? Совсем анекдотично письмо Г. Г., тоже из Парижа. Он оплакивает террориста А. Ульянова, брата Ленина, "юношу редкой души", который был убит царем (очевидно, царю не полагалось сопротивляться убийцам!). Ну и ну!.. Он же объявляет, что "революция была неизбежна, а Святой Руси никогда не было". Поздравляем "Вече" с таким читателем! Р. О. из Иерусалима тупо злобствует по адресу Солженицына. На подобный полуанонимный лай из подворотни даже и рядовой человек не обернется; а уж тем более — прославленный по заслугам писатель. Только, — для чего это напечатано?! "Русская Жизнь". Язык газеты не улучшается, культурный уровень не повышается. В статье Г. фон Э. "Теория мировой конспирации" с изумлением читаем: "Балун, будучи вздутым в течение 7 лет, был готов лопнуть". Что такое балун? Может быть, надо понимать "баллон"? Судно, потопленное немцами в 1-ю мировую войну, называлось не Луизитания, а "Лузитания" (не от имени Луиза, а в честь древних жителей Португалии, лузов). Хелпханд — это, по-видимому, известный революционный деятель, А. Гельфанд? Комично звучит Арсений де Гулевич. Притом же, публицист и общественный деятель Арсений Арсеньевич Гулевич, которого я знал в Париже, вроде бы никогда не был генералом; да и книга его называется не "Царизм и революция", а "Царская власть и революция".

П. Пагануцци, в статье с дельными разоблачениями ересей Кюстина, ссылается на свидетельство о России немца по имени Коль. Полагаем, надо читать Коль, в соответствии с немецким произношением. Это только 3-я

волна выговаривает французские, испанские и немецкие имена с английским прононсом, через твердое л. Но ведь Пагануцци к ней, как будто, не принадлежит. Впрочем, Р. Днепров, в репортаже "Центральная Европа летом 1986 г.", допускает нечто и похуже, называя известного французского художника Пол Гоген. Французы-то, обычно, по отсталости, произносят Польш; например, Жан-Поль Сартр, Поль де Кок. Ну да у Днепра и город Арль превращается в Арл; а Шартр почему-то даже в Шаргл! Поистине, — Франция с английским акцентом.

А. Осипов в восторге, что в Южной Африке негров держат в ежовых рукавицах. Но тем-то это, понятное дело, вовсе и не нравится. Вполне безграмотно он противопоставляет племена зулусов и банту; банту есть собирательное общее имя большого ответвления африканских чернокожих, куда входят и зулусы.

Н. Нефедов страстно клеймит память революционеров Кибалича и Гринева. Беда в том, что таких не существовало. Были Кибальчич и Гриневицкий. Плохие или хорошие, — но зачем же фамилии-то их уродовать?!

Отвратный Т. Савченко перебрался из "Веча" в "Русскую Жизнь". Видимо, вообще мюнхенский альманах колонизировал и прибрал к рукам санфранцисскую газету. На новом поприще — та же музыка: разжигание национальной вражды между народами СССР, в надежде спровоцировать распад страны на мелкие фрагменты. Divide et impera! Но кто будет управлять? О. Поляков окончательно стал диктатором и патентованным идеологом "Русской Жизни":

Какого ждать добра?

Слегка грамотнее других очерк "В царстве инков" (отчего-то неподписанный). Но и его автор не искушен в премудростях испанского произношения. Очевидно, в Калифорнии кастильскую речь презирают и гордятся тем, что ею не владеют. Но вот исказить имя французского ученого Б. Флорна во Флорной не слишком удобно. И уж совсем бы не надо писать про Францию г-же И. Грэм. Умный и энергичный начальник полиции при Людовике XIV, Н. де Ла Рейни, у нее превращается в Ла Ренна, а отравительница Вуазен — в Лу-Вуазен (?). А. д'Альби, часто некстати щеголяющая итальянским акцентом, в статье о Паганини вдруг заговаривает по-итальянски с латинским: йеттаторе вместо джеттаторе (как факт, слово джеттатура, в смысле "наведение порчи", дурной глаз", иногда употребляется и по-русски). Поражает нелепой заглавие статьи "Дневник Руфь Даниловой", вместо "Руфи Даниловой".

В общем, почитаешь газету и чувствуешь:

А в голове как будто тулумбасы...

Что же должно делаться с бедными подпис-

чиками, глотающими изо дня в день все уродливости ее языка и стиля? Как они, нужно ожидать, выражаются, и чему детей своих учат! И что получается у иностранцев, пытающихся при помощи "Russian Life" постигнуть таинства нашего родного языка? Страшно и думать!

"Панорама". Две больших статьи, П. Болдырева и В. Козловского, посвящены болезни Эйдс. Первый сообщает версию, будто она возникла в Африке, в результате совокуплений с обезьянами, практиковавшихся некоторыми негритянскими племенами, и объясняет неподдающуюся сопротивлению природе этого бича Божия именно его звериным происхождением. Второй больше всего острит, не очень смешно и не слишком кстати. Оба приводят страшные цифры: 1,5 миллиона больных в США, обреченных на скорую смерть. Наш ужас отчасти умеряется другим подсчетом, здесь же дающимся: 70% из них гомосексуалисты, 25 — наркоманы. Исчезновение таких элементов принесет Америке только пользу. Пока же Соединенные Штаты — основной источник инфекции; зараза в другие страны идет из них. Напршивается мысль о необходимости карантина. Кроме того, мы узнаем, что лечение безнадежно больных вырожденцев обходится государству в безумные и все растущие расходы. Болдырев разумно советует американцам вернуться к прежним законам против содомского греха. Козловский, похоже, желал бы эпидемии Эйдс в СССР. Но там она мало вероятна: по сей час зарегистрировано 12 случаев, и большинство — среди иностранных студентов. Главное — там нет питательной среды многочисленных открытых и обнагленных педерастов. А тех, кто есть, сразу взяли бы в изоляцию*.

Б. Парамонов чрезвычайно (полагаем, чрезмерно) скептически отзываясь о философии В. Соловьева, делая, однако исключение для "Трех разговоров". Парижский корреспондент

*В СССР, конечно, и гомосексуалистов, и наркоманов достаточно, только о них стараются не писать. Впрочем, недавно, в ходе горбачевской "гласности" удивленным зрителям советское телевидение показало советских наркоманов, которые ничем от западных по виду не отличались. Откуда автору известно, что в СССР зарегистрировано лишь 12 случаев ЭЙДС, нам неизвестно. Если из советской статистики, то советуем не верить ей. "Страны победившего социализма" вовсе не являются оазисами морали. Кстати, недавно стало известно, что коммунистическая Германия выпускает зараженных ЭЙДС (если это бывает установлено) в демократическую Германию. Думаю, что либеральное правительство последней не решится отправить эти "подарки" обратно.

Это примечание было уже написано, когда стало известно, что в СССР поставлен фильм "Легко ли быть молодым?" В немецком телевидении показали несколько кадров из этого фильма. Кто бы

газеты, Д. Савицкий, собирает у очевидцев воспоминания о **майской революции** 1968 г. Мы-то помним по опыту и знаем, что Франция стояла на краю гибели; ее спасла только разумная и решительная реакция широких масс, рядовых граждан. В Белоцерковский спрашивает "Так ли уж плохи колхозы?" Ему-то, вероятно, они ничем не плохи; вот если у крестьян спросить... да что их спрашивать?

Г. Рыскин констатирует, что дети и молодежь из среды эмигрантов с Дальнего Востока, — китайцев, вьетнамцев, камбоджийцев, — занимают первые места в США по успеваемости в школах и университетах. Американцы предлагают мудреные объяснения: наследственные гены, конфуцианская мораль... А ларчик открывается просто: они привыкли работать и относиться с уважением ко старшим, учителям и родителям. К тому же, эта эмиграция, беженцы от коммунизма, есть лучший элемент своих наций. Для США они находка (если сумеют их использовать), а для стран, откуда пришли, — непоправимая потеря.

П. Вайль и А. Генис отмачивают пошлости про Пушкина и Лермонтова, на которые неохота и отвечать. Затем, беря за исходный пункт владимовский скандал, они яростно нападают на Солженицына и, особенно, — на всякую мысль о возрождении России. Их циничное зубоскальство надо всем на свете вообще противно; но оно становится вовсе непереносимым, когда они выбирают мишенью борьбу эмиграции против коммунизма и специально потешаются над лозунгом: "Освобождение народов России от кровавого ига большевизма". Выпишем образец их блудословий: "Любой эмигрантский журнал начинается с заявления, что критерием отбора является только качество материалов". Позвольте! Когда и какой эмигрантский журнал

подумал, что дело идет об СССР! Те же взлохмаченные, покрашенные в дикие цвета, заклеенные волосы, те же странные одеяния тех, кого на Западе называют "панкеры", или кожаные куртки, и угрожающие лица западных рокеров. Показали открыто и наркоманов. Разницы с Западом нет. Гомосексуалистов не показали, но можно не сомневаться, что и их достаточно. И кто это выдумал, что атеистическое советское государство имеет сугубо нравственную молодежь? Откуда бы ей взяться? Научиться по заветам Ленина и Маркса, что ли?

В фильме обвиняется старшее поколение: "Мы — ваши дети", — говорится там. Но если на Западе родители и все общество несут главную вину за дурное развитие молодежи, то в СССР главную вину несет режим, запрещающий верующим родителям воспитывать своих детей в вере и нравственности, даже отнимающий детей у многих верующих и отправляющий их в развратные советские детские дома. (Прим. ред.)

подобное заявлял?! И вслед за тем лосанжелосская двоюродная хихикает: "И позже любой приходит к тому, что есть кое-что повыше: Бог, правда, отечество". Действительно; мы тоже так считаем. И высмеивание таких вещей нам настолько противно, что мы и продолжать спор не желаем. Сами Вайль и Генис не без гордости цитируют о себе мнение какого-то своего друга и коллеги, что мол они "пропели гимн безнравственности и аморализму". Наблюдение — в точку; ни прибавить, ни убавить. Идея же, что надо печатать, хотя бы и в литературном журнале, сочинения эстетически удачные, будь они хотя бы нам совершенно чуждыми с моральной и политической точки зрения, — начисто абсурдная. Трудно себе вообразить эмигрантский журнал, публикующий сочинения Сартра или Арагона, ссылаясь на их художественные достоинства. Для информации и в порядке критического разбора это было бы, допустим, возможно; но тогда представляло бы собою явление иного порядка.

"Новый Журнал" № 161. Жемчужиной номера является эссе Т. Фесенко "Люша". Это не просто некролог О. Анстей, но и картина всей эпохи 2-й мировой войны и судеб нашего поколения, а по форме — настолько же художественное произведение, насколько и чисто фактическое изложение событий. Не на последнем месте поставим и органически вплетенные в ткань повествования блестящие пародии на стихи Ахматовой и Маяковского.

Рассказ А. Шепиевкера "Агафон и Агафья" — набросок нравов русской деревни наших дней и невымирающего типа русских женщин, на которых вся земля стоит; трудно не вспомнить, читая, солженицынскую Матрену. Хорошо нам знакомая А. Кторовна отыскала новую тему, и очень удачную: историю своих предков. Напрасно она беспокоится: "Неплохо я излагаю?.. Или летописец из меня как из суповой тарелки — летающая?" Летописец из нее получился; и сочинение ее вполне **читабельно** (как она сама выражается). Даже свойственная ей разухабистость речи тут не вредит; да она и держит себя на сей раз в рамках.

Вот чего бы совсем, совсем не надо, и от чего тошно становится, это — нескончаемая "Похвала русской поэзии" (следовало бы сказать: хула) Ю. Иваска. Хотя речь о покойном, нельзя умолчать, что человеку с неисправимым дурным вкусом и склонностью к категорическим суждениям в манерной псевдоизысканной форме не подобало принимать позу судьи над русской литературой; и уж вовсе бы не годилось солидным журналу предоставлять ему кафедру. Особенно неприятно, когда Иваск вкривь и вкось толкует о больших поэтах недавнего времени, как

Гумилев и Цветаева, и изрекает о них с неуместным апломбом поверхностные, в корне неверные словеса. Не лучше обстоит и с эмигрантскими поэтами: он даже не умеет отличить превосходных, как В. Смоленский или Н. Туроверов, от третьестепенных, вроде И. Чиннова или Ю. Мамченко, а иных обходит непонятным молчанием, как С. Прегель и М. Волкову.

Р. Гуль описывает период (1948-51), когда издавал журнал "Народная Воля". Предприятие было мертворожденное, вопреки участию цвета зарубежных левых социалистов и значительным средствам: привлечь новую эмиграцию их программа не могла; ей (за редчайшими исключениями) самое слово **социализм** было ненавистно. В старой же эмиграции социалистические идеи никогда не пользовались популярностью. Немудрено, что после 18 номеров журнал закрылся. Если до того имел отчасти успех С. Мельгунов, то потому, что был он социалист умеренный, а антикоммунист бескомпромиссный, да и лично благородный, смелый и обаятельный человек. Мимоходом, Гуль передает абсолютно неприличные разоблачения Н. Вольского о Блоке; скандальные, но вопрос — достоверные ли?

Отчет В. Вяземского о деятельности русских масонов в Париже навевает жуть: страшные люди, и откровенности с их стороны леденят... И однако, до чего вульгарные методы шли у них в ход! Члены могли в ложе обедать с выпивкой, необычайно хорошо и дешево. Не диво, что их всегда бывало полно. А. Иванов изумляет нас сообщением, будто отец Голяя умер, когда будущему писателю было 5 лет. Все биографы почему-то сходятся, что ему было 15. Обсуждая политику США по отношению к закабаленным коммунистами странам, В. Бондаренко правильно констатирует, что лучше бы их призывать к восстановлению их прошлого, исторически сложившегося строя, а не соблазнять порядками в Америке, им чуждыми и непонятными.

"Воспоминания" А. Гучкова не делают чести этому крупному, но заблудшему человеку. При первой беседе с царем (вопреки деликатно пыгавшейся перевести разговор царице) он стал тому навязывать свои совсем не умные проекты реформ и преобразований. Государь вежливо выслушал... и, конечно, не подумал исполнять. Гучков его тогда возненавидел и начал против него действовать; увы! с успехом. И грустно, и смешно: он не понимал, что, вырывая отречение у Николая II, убивал монархию; он даже считал себя монархистом. Но если человек не видит дальше своего носа, — куда же ему претендовать на власть, на лидерство, на диктаторство?!

№ 162. А. Шепиевкер писал о деревне, А. Фролов пишет о городе и о быте научно-

технической интеллигенции, но в том же жанре, который во времена Пушкина и Дала именовался **физиологический очерк**. Жаль, что у них, у того и у другого, нет сюжета, а только — отрывочные картинки. Подобные, как говорил один герой Джека Лондона, сцене, подсмотренной в освещенном окне случайным прохожим. Б. Прянишников снисходительно и благожелательно (не чересчур ли?) описывает жизнь **красного графа** А. Н. Толстого в СССР. Р. Гуль подводит итоги деятельности "Нового Журнала". Грустно, что данное резюме оказалось последней его работой. С удивлением не находим в списке печатавшихся авторов имени А. Герц, одной из самых блестящих писательниц, фигурировавших в журнале за много лет, может быть, за все время существования оно.

Б. Филиппов отмечает литературные заслуги Гуля, — но очень своеобразно; приписывая ему картины вроде следующих: "Мужицкий неуемный аппетит, веселые соленые шутки за столом, громоподобный хохот хорошо поработавших здоровяков в пропотелых рубашках..." Ни дать, ни взять, как у писателя-среднячка из литгруппы "Стальное Вымя", воспетого в "Золотом Теленке": "Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку, и аж заколдобился". Но ведь это скорее слог самого Филиппова, чем Гуля. А уж когда он тут же предпринимает экскурсии в сферу пола, — то и совсем. Самое однако неприятное в его опусе — похвала Гулю за его раннюю книгу "Белые по-черному", написанную в иные времена и в иной обстановке. Филиппов же, отгалкиваясь от нее, вьвваливает подозрительно все то же самое, что О. Поляков в "Вече", шельмуя Белое Движение в гадостнейших словах. Эмиграция всегда живет вчерашним днем! В России, — все, что там есть живого, — белых давно реабилитировали и даже стали идеализировать. Или потому и надо кричать противоположное? Да, но кому это надо?

И № 163. Умиленные воспоминания В. Петрова о М. Кузmine неожиданны в "Новом Журнале", хотя были бы на месте в "Русской Мысли". Появляется на сцену и Ю. Юркун, "похожий на Дориана Грея". Вспомним исчерпывающее словцо о них А. Ахматовой: "Срамотища!"

П. Палий хоронит две первые эмиграции, с пренебрежением отбрасывает их младшее поколение и отмежевывается от эмиграции новейшей. Его собственные мечты нацелены на радикальное расщепление России на **национальные** государства (сколько и каких?). Остается неясным, почему г-н Палий считает, что он лучше всех остальных эмигрантов знает и понимает настроения народов России. Правда, он настойчиво сыщется, в качестве

высшего авторитета, на О. Полякова, видного сотрудника "Веча" и "Русской Жизни". Но для нас и это есть величина проблематическая. Что им обоим очень хочется расчленить Россию на елико возможно мельчайшие части, — сие бесспорно. Но ведь между желаемым и сущим большая разница; между желаемым и осуществленным — тоже.

А. Иванов, следуя советскому шаблону, приписывает смерть Д. Веневитинова тому, что он просидел 3 дня на гауптвахте по поводу сношений с декабристами. Нужен буйный полет фантазии, чтобы в такую легенду поверить. Иг. Г. Эйкалович, в странном эссе "Федоровiana", предлагает этимологии, от коих волосы встают дыбом, сопоставляя греческие слова МΕΤΕΡ "мать", ΜΕΤΙΣ "мера" и ΜΥΤΗΟΣ "миф", которые по-разному пишутся, по-разному звучат и совершенно различны по происхождению. Что до теорий Федорова, они явно непримиримы с христианским богословием, но неудивительно, если человеку с гностическим складом ума, как Иг. Эйкалович, они могут казаться привлекательными.

Публикация Ю. Фельштинского "Из истории гражданской войны" (письма Н. Астрова Деникину) показывает причину неудачи Белого Движения: отсутствие у него ясной и разумной программы. Ярko встает враждебность Деникина и его окружения ко Врангелю, — единственному, кто мог спасти дело, стань он раньше во главе. Самые же трезвые слова, какие мы тут находим, принадлежат Н. Савичу: "Нужно возглавление движения лицом, отвечающим верованиям крестьянства и офицерства, с именем которого не может быть связана идея классово-местной. Тогда вернется мистическая вера, объединяющая идея **хозяина**, равнозначущая идее **порядка**".

О стихах, по всем трем номерам, можно судить по стоящим под ними подписям. Если стоит **И. Елагин** или **О. Ильинский**, то хорошие; когда **Л. Алексеева** и **Е. Таубер**, а также менее известное имя **М. Косталевская**, — вполне приличные; когда **И. Чиннов** — плохие. Большая подборка из А. Штейнберга оставляет впечатление технической безупречности, при содержании или незначительном или гнетущем несимпатичном.

"Наши Вести" № 403. Н. Протопопов продолжает разбирать новые явления в подсоветской литературе, как и прежде дельно и проникательно, останавливаясь теперь на писателе-деревенщике В. Астафьеве. Статья А. Васинского "Ни себе, ни потомкам", о разрушении в СССР памятников старины, перепечатана из "Известий", но целиком на месте оказалась в эмигрантском журнале: в ней что ни слово, то правда; печальная, горькая правда...

Интереснее всего, однако, статья А. Гея "Как нам вести себя в борьбе за Россию?",

широко и смело ставящая важные вопросы. Предоставим ему слово: "Читаем: "необходимо пропагандировать антитезы марксизма: православие... беспартийность..." Нет, антитезы коммунизму — религия, многопартийность. Православие — это не более антитезис коммунизму, чем любое иное теистическое вероисповедание; беспартийность — антитеза партийности вообще, не только однопартийности, то есть в таком случае, например, и представителю — многопартийному — демократическому плюрализму". И дальше: "Автор, упрекающий наше общество в бездуховности, пишет о русских и о православии так, как будто кроме православных русских в российских вопросах вообще никому и дела нет, то есть у нас в России нет ни грузин, ни нанайцев, ни узбеков, нет ни лютеран, ни буддистов, ни магометан. А ведь у нас за сотню с лишним народов, и имеются все крупные вероисповедания мира". Полностью с ним согласимся и выразим надежду, что затронутые им проблемы будут в журнале подробно освещены. Еще же более согласимся с А. Геем в его возражениях О. Полякову, требующему, чтобы российская эмиграция отступила, предоставляя ее целиком жителям подъяремной России.

"Cahiers du Monde Russe et Soviétique" N 27 (2). В напечатанной по-русски статье, С. Шварцбанд исследует черновики "Двенадцати" и сообщает нам некоторые неизвестные варианты. Например, такой:

Напились они, попы

Нашей крови как клопы.

Ну, попы-то, они пили кровь Александра Александровича умеренно, без вреда для здоровья. А вот при большевиках он враз умер от острого малокровия, сиречь с голоду. Ф. Лонге-Маркс анализирует имена, которые дают детям в Дагестане, и констатирует, что, в основном, — мусульманские (причем часто используют имя деда или прадеда), иногда иностранные, как Диана или Индира, и очень редко — советские, типа Владлен или Маркс. Т. Лагусен, изучив 3 учебника хороших манер, изданные в странах победившего социализма, — по-русски, переведенный с эстонского, по-польски и по-китайски, — приходит к выводу, что 2 первые предлагают модель поведения западного типа; первый — довольно примитивную, второй — несколько более сложную. Тогда как китайская книга требует возврата к старым традициям и представляет собою резко отрицательную реакцию на нравы, введенные культурной революцией.

"Беларускі Голас" № 329. В издающейся в Торонто газете привлекает внимание заметка "Еврейские экстремисты недовольны", о митинге в Норт Йорке, устроенном организацией "Второе Поколение Группы Голокауста",

выразившей неодобрение по поводу отказа канадской комиссии по преследованию военных преступников ехать за сбором сведений в СССР. Инициаторы митинга обвиняли национальные формирования, такие, как украинские и литовские, в участии в истреблении евреев, и угрожали назвать имена теперешних видных деятелей среди эмигрантов данных двух и иных национальностей, якобы замешанных в это дело. Однако огласить имена они все же не решились. Газету между тем трудно заподозрить в антисемитизме: в отделе писем редакция отказывается принять статью, автор которой клеймит евреев как палачей народов России, указывая ему, что нельзя переносить грехи революционеров-ренегатов на целую национальность, от которой те сами отрекались, принимая часто русские имена.

Другая заметка сообщает о нападках "Комсомольской правды" на известного белорусского писателя В. Быкова за утверждение, что библейские заповеди остаются по сей час основным моральным кодексом человечества. Интересна и публикация перепечатанных из советского журнала "Літаратура і Мастацтва" покаянных стихов П. Панченко, с горечью вспоминающего о своем участии в мероприятиях времен коллективизации:

Я цэрквы закрывау,

Я абразы паліу....

Нас несколько удивляет требование "Белорусского Голоса" о включении в состав Белоруссии большой области, которую он именует **Восточной Белоруссией**, охватывающей Смоленск, Брянск, Вязьму и Ржев. Не станем спорить: пока Белоруссия остается в составе России, административные изменения не играли бы большой роли; а если мы себе вообразим, что она когда-либо захочет и сможет отделиться, — тогда и будет время определять ее границы. Только, мы полагаем, в том и в ином случае, надо прежде всего справиться о желаниях населения данного района, и о том, считают ли себя его жители белорусами или великороссами. Без них решать вопрос было бы очевидной несправедливостью.

В остальном, в той мере, что в СССР есть какие-либо угнетения в пользовании белорусским языком, на что жалуется торонтская газета (или языком любого другого этнического меньшинства), это, конечно, очень плохо; и мы такие действия оставляем на совести большевиков, и их осуждаем. Важно лишь, чтобы не было насилия, ни в ту, ни в другую сторону, и все люди могли бы пользоваться в отношении языка свободой, согласно своему выбору.

"Наша Газета" № 51-52. Наши оттавские коллеги сами себя поздравляют, по случаю первой годовщины издания, но поздравляют как-то странно: "С днем рождения, газета!"

Полагалось бы со днем, как в общепринятых формулах: "Со днем Ангела!", "100 лет со дня рождения"... и т. п. Об ориентации рассматриваемого органа (где информации нет, а одни литературные отрывки и очерки; довольно слабые) можно судить по именам В. Максимова и В. Аксенова (неумеренно восхваляющего тут В. Набокова). Как бы канадский филиал "Континента". Что же до политического направления, бросается в глаза многократно повторяющаяся — под пером В. Аксенова и редактора газеты М. Ройза, — типично советская формула **Николай Палкин**. О газете, оплевывающей великое прошлое России, мы только и можем сказать, что она отнюдь не **наша**. Кому она своя, — пусть разбираются сами.

"**Часть Речи**" №45. Этот выпуск нью-йоркского альманаха литературы и искусства посвящен преимущественно В. Ходасевичу (чьим портретом его обложка и украшена). Воспроизведенные здесь стихи его и рассказы бледны; гораздо интереснее, — чего и следовало ожидать, — критические его заметки; они остры и оригинальны, но и на них лежит печать далекого, невозвратного прошлого. Публикуемое здесь же письмо М. Цветаевой Ходасевичу любопытно, ибо в нем отражаются очарование и своеобразие ее личности. Манерные же очерки о Ходасевиче В. Вейдле и В. Набокова создают впечатление чего-то вовсе зря вынутого из нафталина.

Прочие литературные материалы, — многочисленные и разнообразные, — невысокого уровня. Выделим две вещи. Ж. Пастернак, сестра Б. Пастернака, описывает Англию 1938-39 г., и то безумное легкомыслие, с каким там войны не ждали и к ней не готовились. Увы! Сколь актуально все это звучит! Таков Запад и сегодня... В. Яновский, в отрывке из мемуаров "О парижских "Числах", воссоздает атмосферу русского Монпарнаса 30-х гг., приводя кое-какие занятные детали, но отзываясь в злобном, желчном тоне почти обо всех, с кем соприкасался; иногда совершенно несправедливо, как, в частности, о В. Смоленском (которого он, очевидно, по своим причинам крепко не любил).

"**Наша Страна**". Китайская грамота является, видно, для газеты таковою не только в прямом, но и в переносном смысле слова. Написание Сун-Я-цен, вместо Сун Ят-сен, никуда не годится. Рядом, в той же статье Б. Глебова, стоит Мао-Цзэдун. Сие уж и непоследовательно. Новую краснокитайскую орфографию лучше бы не принимать; но, во всяком случае, нельзя ее употреблять вперемешку со старой. Другой курьез: газета придерживается написания **большевицкий**, и даже теоретически его отстаивает. Но при перепечатке сочинений И. Л. Солоневича мы в ней же везде обнаруживаем **большевицкий**.

Не предпочтительнее ли бы было буэносайресскому еженедельнику соблюдать всегда правописание своего основателя?

"**Русская Мысль**". Рецензируя "Континент" №49, Г. Андреев, с обычной развязностью, но с необычной яростью, накидывается на Д. Панина за **неубедительную** статью "Право и права человека" (о коей см. выше). Ему ужасно не нравится, что симпатии Панина, при суждении о гражданской войне в России, — на стороне белых, а не красных. Чудеса в решете! И тут — общий фронт с г-ном О. Поляковым; хотя, внешне-то, "La Pensée Russe" никогда и не упоминает ни о "Вече", ни о "Русской Жизни", где тот подвизается. Не убоимся, будь нас и **малое стадо**: у белых могли быть ошибки, пусть и грехи, но — **они боролись за правое дело**. Еще больше раздражает Андреева **романтический анахронизм** писателя, проявляющийся в положительном упоминании о **рыцарях** и о **витязях**. Позволим себе указать русскомысленскому литературному критику на следующее обстоятельство: слово **рыцарь**, во всех языках Европы, да и мира, вошло в обиход как выражение высшего этического идеала человеческой личности; **рыцарский поступок**, **рыцарское поведение** означает везде (даже у большевиков) честное, благородное отношение к своему долгу и к окружающим людям. С другой стороны, когда Сталину понадобилось пробудить в русском народе патриотизм, самопожертвование и готовность бороться со внешним врагом, он сразу заговорил о героях Чудского Озера и об их вожде, светлом витязе Александре Невском. Думает ли почтительнейший г-н Андреев, что эти нормы мировоззрения возможно заменить, скажем, понятиями **истинный коммунист** или **примерный бизнесмен**? Ждем ответа!

Опять же, если для него образцом является теперешний гражданин — потребитель, требующий всех благ для себя и не признающий за собою никаких обязанностей перед обществом, — напомним ему, какие скверные результаты неуклонно получаются при испытании подобных житейских установок войною, революцией или стихийным бедствием! Презираемые Андреевым рыцари, те как раз умели сражаться за свои и чужие права и жертвовать собою за других. А сейчас идеалы Запада таковы, что мы видим Америку, самую сильную в нем империю, распадающуюся под собственной тяжестью, разрушающуюся изнутри и тщетно пытающуюся сие роковое разложение сдержат.

Злит Андреева упоминание Паниным о **дьявольской работе бесов и кайнов**, подготовившей крушение России. Наверное ему и "Март Семнадцатого" Солженицына не по вкусу придется: там эта самая работа тоже описана. И уж конечно не угодили бы ему

воспоминания И. Л. Солоневича, печатающиеся сейчас в "Нашей Стране"... Ну да ее он не читает.

Особо отметим, — скажем прямо, с возмущением! — оскорбительные инсинуации Г. Андреева, будто Панин в чем-то содействует большевикам. Когда человек в прошлом столько от советских властей пострадал и столь мужественно с ними боролся, как Димитрий Михайлович Панин, — он вправе на подобную клевету смотреть с полным пренебрежением. Есть ли за самим г-ном Андреевым заслуги того же калибра? Наверяд ли.

Японский славист М. Нумано, интервью с которым публикует газета, видимо, — человек со вкусом и с эрудицией. Он любит А. С. Грина и В. Каверина, и специально занимается подсоветской литературой 20-х гг. Эпоха — во многих отношениях интересная и, в сущности, мало изученная; тем более, — иностранцами.

"Калифорнийский Вестник" №№ 67—71. Эти выпуски бледнее прежних. Есть и стихи, и рассказы, но больше — посредственные. Из стихотворений лучше других "Свет зари упал на крыши" и "И вот уже проходит лето", подписанные С. Тол. Но основной жанр журнала — исторические очерки (разные по темам и по качеству). В. Ордовский-Танаевский, споря с В. Сенютовичем по поводу княжны Таракановой, цитирует энциклопедический словарь Павленкова, где как раз сказано, что она была **мнимая** дочь Елизаветы Петровны (а он считает ее настоящей), и ссылается на некоего профессора, которого ему нельзя назвать печатно (?). Удивляет дискуссия (в связи все с тем же) как переводить европейский термин **бастард**. Для этого понятия у нас есть слово **незаконнорожденный**, а заменять его какими-либо простонародными или диалектальными выражениями не нужно и безвкусно. Напрасно В. Филипов пытается оправдать продажу Россией Аляски Америке. Сделка вышла для нас зело невыгодная!

Кошатник, соответственно своему имени, обращается к "Друзьям кошачьего народа" (к коим целиком принадлежу!) и излагает любопытные исторические справки о судьбах вида *Felis Domestica*. Но что это за **бурмезские** появляются у него коты? Вероятно, "бирманские"? И почему он называет рысь латинским словом **линкс**, не указывая русского ее имени? Вообще изумляет подстрочное примечание: "по-латыни коты имеют два наименования: *Lobis* и *Catus*". Слова *lobis* мы не только не знаем, но и ни в одном словаре не находим. Кошек римляне обозначали как *Felis* (см. выше) или *Cattus* (загадочное слово, как-то связанное с нашим **кот** и немецким *Katze*, заимствованием ли, или общностью происхождения).

А. Аристова, вместо того, чтобы писать шотландские имена как у нас испокон принято — Мак Дональд, Мак Грегор, — пишет то **Мэк**, то **Мек**. Выдумка в высшей степени неудачная!

"**Время и Мы**" №90. Обзор печати, "Толстые журналы в эмиграции и в СССР" составлен И. Шамиром в тоне, который подбавляет назвать хулиганистким. Суждения его даются как абсолютно непререкаемые; а их бы предпочтительно понимать всегда наоборот. Например, по поводу "Граней", он с восхищением цитирует похабные стишки Л. Лосева, каковые, в силу их омерзительного и грязно богохульного характера, мы не хотим здесь воспроизводить; и рядом горячо присоединяется к И. Серману в апологии Маяковскому.

А как прикажете разуместь следующий пассаж (о №162 "Нового Журнала"): "Недавно скончавшийся Иваск оставил обозрение поэтов 1-й эмиграции, все — или почти все — совершенно неизвестны, и, судя по цитатам, известными уже не будут"? Указанные поэты писали для старой эмиграции, а позже — для старой и новой сразу; к той же аудитории обращались затем и поэты 2-й волны. И в ней они были, есть и будут хорошо известны всем, кто любит поэзию. Более того, неоднократно приводились сведения о том, что многие их стихи доходили и до порабощенной России. Некоторые же эмигрантские поэты, бесспорно, прекрасно знакомы подсоветской публике, как М. Цветаева и И. Бунин. Другие, скажем, из 1-й волны, В. Смоленский и Н. Туроверов, а из 2-й И. Елагин и О. Ильинский, несомненно, в свое время, до России еще дойдут. А что тот или иной из них неизвестен лично И. Шамиру (а, скорее всего, именно это он и пытается неуклюже сказать), — пожалуй, не такое уж тяжелое и несчастье.

В своем трактате г-н Шамир упоминает и о нас; но на свой лад: именуя "Голос Зарубежья" почему-то "Вестником Зарубежья"! Если у него ослабла память и он не в состоянии быть внимательным, — ему бы не надо и заниматься литературной критикой вообще. Если он этим хочет нас оскорбить, — то употребляет куда как дешевый и жалкий прием! А если он боится судебных преследований, — то разве мы бы стали с ним связываться?

Он называет нас монархистами. Но ведь мы с ним не в СССР; это обвинение не вызывает, на вольном воздухе за границы, того леденящего ужаса, который испытывают, услышав его, люди, чувствующие у себя за спиною шаги чекистов. Хотя, безусловно, — дали бы Шамиру власть, уж он бы нам показал! Что до фразы о **полевлении** "Континента", на которую он ссылается, то тут он сильно отстал от текущих событий. Мы после

того отмечали, что редакция "Континента" обнаружила, что место слева уже занято, — "Синтаксисом" и "Страной и Миром", — и повернула, по необходимости, в обратную сторону.

Лишним свидетельством дурного вкуса г-на Шамира является, в том же номере, его восторженное предисловие к переведенному им же роману американца Р. Чендлера. Чендлер — специалист детектива именно **низкого жанра**, как мимоходом обмолвился сам переводчик: его персонажи — грубые, мускулистые, но не сильные головой субъекты,

говорящие на поганом трущобном слэнге и гордящиеся тем, что прошли огонь, воду и медные трубы; они исповедуют тотальный цинизм и готовы делать все, — были бы денежки на стол. Продукция сего сорта (в отличие от английских, да и некоторых американских авторов, адресующихся к культурной публике) предназначена для неприхотливого, низкопробного читателя: лишь бы на каждой странице бокс и выстрелы. Нечто вроде дореволюционных книжек по-русски о Ник Картере, — только длиннее и качеством похуже.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО БЛИЗКИЕ

(Москва, 1986)

Для толстоведов и поклонников Толстого книжка в 375 страниц под редакцией Т. Н. Волковой представляет значительную ценность. Собранные здесь воспоминания о Льве Николаевиче его родственников и его почитателей, вместе с многочисленными фотографиями, приближают к нам его личность и разъясняют нам кое-какие особенности его характера.

Наиболее интересны записки племянницы Толстого, М. С. Бибиковой. Помимо прочего, она живо обрисовывает фигуру сестры писателя, Марии Николаевны, позже принявшей монашество; с нею он, как известно, виделся незадолго перед смертью. Любопытны и различные детали о нем самом, не всегда ему благоприятные. Так, придя однажды в гости к сестре и застав у нее трех монахинь, несколько смутившихся, понятно, при его появлении, он, выйдя оттуда, разразился по их адресу злобными грубейшими словами, которые здесь и повторять не хочется.

Многозначительна и его резкая реакция на то, что две его племянницы, сестры М. С. Бибиковой, дочери Сергея Николаевича Толстого, заключили неравные браки, одна с

крестьянином, другая — с башкиром. Яснополянский мудрец был крайне недоволен подобными мезальянсами. Он даже сказал первой из них, что лучше бы ей выйти замуж, скажем, за офицера, будь тот хоть пьяница. Когда же он услышал, будто и его родная дочь, Мария Львовна, увлеклась мужиком, то был глубоко огорчен и расстроен; по счастью, дело оказалось кратковременным капризом.

Больше последовательности проявил Толстой, строго осудив брак своего сына Андрея с женщиной, разошедшейся ради него с мужем (их история курьезно похожа на сюжет "Анны Карениной"!), Е. В. Арцимович; но его жесткие морализаторские высказывания при сем случае не внушают большого сочувствия (брак, между прочим, оказался чрезвычайно счастливым).

Мемуары Н. Ф. Страховой и Е. Е. Горбуновой рисуют, наоборот, преимущественно симпатичные стороны в характере Толстого, и более подробно, чем другие, останавливаются на его взглядах и мнениях в области политики и религии.

В. РУДИНСКИЙ

В Нью-Йорке

"Голос Зарубежья" можно получить в издательстве
Effect Publishing 501 Fifth Ave. Suite 1612
New York City, N.Y. 10017.

СООБЩЕНИЕ КОМИТЕТА ПО СПАСЕНИЮ СОВЕТСКИХ ПЛЕННЫХ В АФГАНИСТАНЕ

Комитет Спасения Советских Пленных в Афганистане сообщает, что в ноябре месяце 1986 года в Канаду прибыли пять бывших советских военнопленных, которые долгое время находились в руках афганских повстанцев.

Уже несколько лет представители нашего Комитета, в очень тяжелых условиях, прилагали все усилия для вывоза на Запад русских военнопленных. И вот, только сейчас, мы можем сообщить радостную новость, что 5 бывших военнопленных получили политическое убежище в Канаде.

Их имена, вероятно, известны многим из нас: Сергей Бусов, Николай Головин, Игорь Ковальчук, Владислав Наумов и Вадим Плотников. Путь их освобождения был нелегок. И мы считаем своим долгом поблагодарить тех многих людей доброй воли, которые принимали, посильное, участие в борьбе за их освобождение.

Мы приносим сердечную благодарность правительствам тех Западных государств, которые способствовали их освобождению. И прежде всего, Канадскому Правительству, предоставившему им политическое убежище.

Мы приносим сердечную благодарность Национальному Исламскому Фронту Афганистана и Хезби-Ислами фракции Халес и их руководителям, без личной поддержки которых было бы невозможно добиться успеха.

Особенно хотим отметить поддержку и поблагодарить журналиста английского телевидения Санди Голл за его отважную роль в их освобождении.

Также приносим благодарность русским людям, рассеянным по всему миру, прихожанам Русских Православных приходов, особенно приходу Свято-Троицкой церкви, города Торонто. Без вашей поддержки и помощи немислимо было добиться их освобождения.

Необходимо отметить и поблагодарить Русский Православный Комитет Содействия эмиграции в Канаде, под руководством А. Д. Климова, и Украинский Комитет Спасения Беженцев в Канаде под руководством Б. А. Митюка.

Комитет Спасения Советских Пленных в Афганистане считает, что по отношению к Бусову, Головину, Ковальчуку, Наумову и Плотникову мы свой долг выполнили. Теперь они смогут начать новую, спокойную жизнь в Канаде и мы, от всей души, желаем им счастья и полного благополучия.

Однако нельзя забывать, что война в Афганистане продолжается. Люди дальше страдают и гибнут. По нашим сведениям, в руках афганских повстанцев находятся еще несколько сот военнопленных.

Поэтому наш Комитет, опираясь, как и раньше, на многих людей доброй воли, будет и дальше продолжать свою деятельность.

Николай Д. Толстой-Милославский

Председатель — граф Николай Толстой-Милославский; Почетные члены: Пр. Антоний, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский, Пр. Константин, Епископ Ричмондский и Британский, Пр. Марк, Епископ Берлинский и Германский, А. А. Авторханов, В. П. Аксенов, А. И. Гинзбург, П. Г. Григоренко, И. А. Иловайская-Альберти, О. А. Керенский, Л. Э. Копелев, Наум Коржавин, Э. О. Неизвестный, В. П. Некрасов, Э. В. Оганесян, С. М. Поликанов, Андрей Седых, А. П. Столыпин, Я. А. Трушнович, Е. А. Якобсон.

ОТ РЕДАКЦИИ

Нам прислали обращение для сбора средств на памятник жертвам нацизма: в Бабьем Яре, под Киевом, было расстреляно около 100 тысяч евреев в сентябре 1941 г. Это обращение ко всем людям.

И мы думаем, что такие трагедии касаются всех людей. За 10-9 лет до этой трагедии на той же Украине была другая трагедия. Может быть, она не поражает так сознание, как расстрел стольких людей в течение всего лишь нескольких дней, но тогда погибли миллионы, тогда тоже зарывали еще живых детей в землю, правда, не тех, которые не были дострелены, а тех, которые еще не совсем умерли от голода. Сталин назвал в разговоре с Черчиллем цифру в 10 миллионов русских и украинских крестьян, погибших при коллективизации. Вероятно, русским и украинцам надо было бы давно собирать средства, чтобы где-нибудь на чужой земле поставить памятник этим жертвам. Мы этого пока не сделали — наша вина.

Можно ли удивляться, что при начале войны так многие, пережившие коллективизацию и большой террор всего лишь за несколько лет до начала войны, увидели в этой войне шанс для свержения тоталитарного ужаса коммунизма, принявшего особо страшные формы при Сталине? Не знаю, как в Киеве, а в моем родном городе Пскове даже ряд евреев, не веря тому, что писали советские газеты (да и писали они разное, одно — до 1939 г., другое — после этого года), остались и надеялись на освобождение. Но, вместо борьбы против коммунизма и коммунистов всех национальностей, национал-социализм повел "войну" против безоружных и беззащитных евреев, большей частью женщин, детей, немолодых людей, а в придачу объявил и славян "низшей расой". Люди оказались зажатыми между страшными тоталитарными режимами и метались, не зная, что лучше, что хуже.

Мы сочувствуем всем жертвам обоих режимов, сочувствуем тем, кто скорбит о погибших в Бабьем Яре, и надеемся на сочувствие всем другим. Пусть, кто может и достаточно инициативен, собирает деньги на памятники жертвам. Мы надеемся, что таких памятников будет в дальнейшем все больше и что ни одна категория жертв не будет забыта.

В. ПИРОЖКОВА

КО ВСЕМ ЛЮДЯМ!

ОБРАЩЕНИЕ КИЕВСКОГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА

В ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ

В истории известно немало трагедий, потрясших человечество. Трагедии сегодня, как и в прошлом, приносят людям страдания, сеют смерть, истребляют целые народы. До сих пор человеческое сознание не в силах воспринять Катастрофу европейского еврейства, одну из самых страшных в истории человечества. Но даже в ней поражают своей жестокостью события Бабьего Яра.

29 сентября 1941 года, в канун Судного дня, по приказу гитлеровских оккупационных властей еврейское население Киева было согнано в пустынную окраину города, именуемую Бабьим Яром. На протяжении нескольких дней оккупанты с помощью "полицаяв" расстреливали ни в чем не повинных людей — женщин, детей, стариков.

Еще не было душегубок и крематориев, еще не было Освенцима и Треблинки, Девятого форта и Румбулы, но уже был Бабий Яр. Им открывается список массовых расстрелов, с него начинается счет шести миллионов.

В течение трех дней деловито, методично, с перерывом на обед и на ужин, палачи расстреляли около 100 тысяч евреев Киева и окрестностей. А жители соседних с Яром районов закрывали ставни, закладывали подушками окна, затыкали пальцами уши, чтобы не слышать ни оглушающих автоматных очередей, ни леденящих кровь предсмертных криков.

Несколько дней стонала и шевелилась земля, которой засыпали мертвых и живых.

Единственное оружие в борьбе со злом — человеческая память. Она хранит трагедии. Она из поколения в поколение жжет наши сердца и нашу совесть.

Враги человечества знают разящую силу исторической памяти. Они всеми средствами стараются скрыть или хотя бы извратить иные исторические события. На протяжении долгих десятилетий Бабий Яр, место преступного уничтожения десятков тысяч людей, превращался с ведома властей то в свалку мусора, то в сквер, где дети играли в мяч, а тех, кто приходил почтить память погибших, разгоняла милиция.

Но когда не удалось умолчать — слишком велико было возмущение общественности, — советские власти совершили новое кощунство — в достаточном отдалении от места, где погребены жертвы нацизма, — соорудили монумент, который по содержанию своему не имеет ничего общего с тем, что произошло в Бабьем Яре в сентябре 1941 года, сорок пять лет назад.

Монумент в Бабьем Яре — это попытка исказить историю, выбросить из нее страницу самого дикого мракобесия — тягчайшего преступления против человечества.

Это правда, что в Бабьем Яре нацисты позже похоронили захваченных и расстрелянных матросов и солдат, попавших в плен.

Но евреи были убиты нацистами в Бабьем Яре только потому, что они евреи. Они — жертвы невиданного в истории истребления целого народа, жертвы жестокого геноцида, холодно задуманного и планомерно осуществлявшегося, подобно которому не было в истории.

Попытка скрыть это от людей является новым преступлением. Мы не в силах изменить порядок вещей в СССР, но мы делаем все, что в наших силах, на земле Израиля для увековечения памяти жертв Бабьего Яра. В районе Модииин (родине Маккавеев) посажен лес и установлен обелиск в память Бабьего Яра. Здесь ежегодно в страшную годовщину мы чтим память погибших молчалием и молитвой. Кровь погибших стучит в наши сердца. Необходим памятник жертвам Бабьего Яра — и именно в Израиле, на святой земле, куда обращены взгляды и стремления всех евреев мира.

Но возможности наши исчерпаны. У нас нет средств для сооружения памятника.

Мы обращаемся к вам, евреи и неевреи, ко всем людям, которым дороги идеалы Добра и Мира, процветания человечества, помогите нам увековечить память жертв Бабьего Яра.

Мы видим в этом огромную силу в деле воспитания людей, особенно подрастающего поколения.

Трагедия Бабьего Яра — это не только трагедия наших отцов и матерей. Это наша трагедия. И она вечна, как вечны Вселенная и память человеческая!

Мы знаем, как велика помощь людей доброй воли нашему молодому государству во всех его делах.

Мы уверены, что и в этот раз наше обращение найдет отклик в ваших сердцах.

Пожертвования на проектирование и строительство памятника просим присылать на счет фонда увековечения памяти жертв Бабьего Яра.

Bank Hapoalim N615
Account N0609944/42
Rehovot, Israel.

Информацию можно получить по адресу:

Mr. Lainer Moshe
str. Helets 4/3, Holon, Israel.
tel. 03-895686

КИЕВСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО В ИЗРАИЛЕ

”ЭТОТ ЮМОР РАСКРЫВАЕТ МИРИАДЫ ИСТИН”.

Рональд Рейган

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА
на книгу Д. Штурман и С. Тиктина

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНЕКДОТА

Издание второе
исправленное и дополненное

Цена книги – 21 \$.

Для подписчиков цена, включая доставку заказной бандеролью
морем – 16 \$, авиапочтой – 17,5 \$.

Некоторое повышение стоимости книги вызвано увеличением ее объема,
в основном за счет **НОВЫХ** анекдотов богатых событиями 1985–1986 гг.

Чеки посылать по адресу:

S. Tiktin, 422/6, Misrakh Talpiot, Jerusalem 93802, Israel

Просьба к подписчикам сообщать свой подробный адрес.

КНИГА ВЫЙДЕТ В ТЕЧЕНИЕ 1987 ГОДА

Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?

Ян Прохазка

*Плохие свойства человека как такового?
Плохие руководители? Плохие народы? Плохая история?
Может ли централизованное в масштабах государства
производство и распределение сосуществовать с правами
человека и со свободным обращением информации в обществе?
И ПОЧЕМУ МОЖЕТ ИЛИ НЕ МОЖЕТ?*

На эти вопросы отвечает
КНИГА ДОРЫ ШТУРМАН
"НАШ НОВЫЙ МИР"
ТЕОРИЯ. ЭКСПЕРИМЕНТ. РЕЗУЛЬТАТ

Рукопись книги, циркулировавшая в Самиздате с начала 1970-х гг., была нелегально вывезена из СССР. Автор, выехавший вслед, издал ее в 1981 году, дополнив (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно показали достоверность "подпольного" анализа. Новое издание расширено и дополнено материалами 1980-х гг., еще более четко подтвердившими первоначальные прогнозы.

Объем книги — 460 страниц. Цена — 15 долл. Пересылка в Европу и США морской почтой — 1,7 долл.; авиапочтой: в Европу — 2,5 долл., в США — 3,5 долл. Книгу можно получить, отправив чек по адресу: S. Tictin, 422/6 Mizrahk Talpiot, Jerusalem 93802, Israel.

М. М. РОЗАНОВ

**СОВЕТСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ В МОНАСТЫРЕ
1922 — 1939 годы**

Книга первая. Издание автора, 1979, 302 стр.
Стоимость 9 дол. Книга вторая. Издание авто-
ра, 1980, 176 стр. Стоимость 7 долл. Заказы
направлять по адресу:

Mr. Rozanov, P.O.Box 21, Sta F. Buffalo,
N. Y. 14212, USA.

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает
Перепечатка разрешается, но с указанием источника

